

MELANIE KLEIN

ENVY AND GRATITUDE

A STUDY OF UNCONSCIOUS SOURCES

London, Tavistock Publications Limited, 1962 (first published 1957)

МЕЛАНИ КЛЯЙН

ЗАВИСТЬ И БЛАГОДАРНОСТЬ

ИССЛЕДОВАНИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Рекомендовано в качестве учебного пособия для дополнительного образования

Министерством образования Российской Федерации

Б.С.К.

Санкт-Петербург 1997

Перевод с английского А. Ф. Ускова

Кляйн Мелани

К47 Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников. Перевод с английского А. Ф. Ускова.— СПб.: Б.С.К., 1997.-96 с.

ISBN 5-88925-023-х

«Зависть и благодарность» — это итоговая клиническая и теоретическая работа одного из классиков психоанализа Мелани Кляйн. Ученица Ференци и Абрахама, Мелани Кляйн ярко заявила о себе еще в 20-е годы, когда начала разрабатывать новую тогда практику и технику детского психоанализа.

Настоящая книга суммирует взгляды Мелани Кляйн на раннее развитие младенца, в частности на развитие у человека таких качеств, как зависть, жадность, ненависть, ревность, с одной стороны, и благодарность, щедрость, доброта, с другой. Книга иллюстрирована клиническим и литературным материалом и написана в характерном для Мелани Кляйн смелом и безапелляционном стиле, отражающем энергию и обаяние этой «маленькой фрау» (как она приснилась одной из своих пациенток), оказавшей такое большое влияние на современный психоанализ.

© London, Tavistock Publications Limited, 1962. © А. Ф. Усков, перевод на русский язык, 1997. © А. Ф. Усков, вступительная статья, 1997. ISBN 5-88925-023-х © Б.С.К., 1997.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Мелани Кляйн

Благодарности

Предисловие

Глава первая

Глава вторая

Глава третья

Глава четвертая

Глава пятая

Глава шестая

Глава седьмая

Заключение

Примечания

Литература

МЕЛАНИ КЛЯЙН

Мелани Кляйн (1882— 1960) является одной из наиболее известных и ярких фигур психоаналитического движения. Ее смелые и оригинальные подходы к анализу детей, анализу взрослых пациентов, страдающих серьезными психическими расстройствами (психозами), ее теоретические идеи о нормальном и патологическом развитии личности и межличностных отношений человека снискали заслуженное уважение и широкое признание и, одновременно, возбудили и продолжают возбуждать многочисленные споры, критику, иногда весьма жесткую, а подчас и полное неприятие и отвержение в психоаналитических кругах.

Путь Мелани Кляйн в психоанализ был непрост. Она родилась и жила с родителями в Вене, где в юности входила в кружок интеллигентной молодежи, интересовавшейся философией, наукой, литературой, искусством. В течение двух лет она изучала гуманитарные науки в Венском университете. Она мечтала получить медицинское образование, однако замужество, последующая жизнь в небольших провинциальных городках и рождение детей воспрепятствовали этому.

Лишь поселившись в 1910 г. в Будапеште, она вновь окунулась в интеллектуальную атмосферу большого города и вскоре заинтересовалась психоанализом, примкнув к психоаналитическому кружку Шандора Ференци и пройдя у него личный анализ. В 1917г. она познакомилась с Фрейдом, а в 1919г. вступила в Венгерское психоаналитическое общество, представив доклад «О развитии одного ребенка».

В 1920 г. Мелани Кляйн познакомилась с Карлом Абрахамом, личность и идеи которого произвели на нее большое впечатление. В 1921 г. она переехала в Берлин, где начала свою

психоаналитическую практику с взрослыми и детьми. Там же она начала свой повторный анализ у Абрахама, который прервался в 1925 г. из-за его преждевременной смерти. В Берлине Мелани Кляйн сформулировала свои первые идеи, касающиеся отличия психоанализа детей от психоанализа взрослых, игровой техники и интерпретативного подхода в детском психоанализе.

В 1926 г. Мелани Кляйн по приглашению Эрнста Джонса переехала в Великобританию, где и обосновалась окончательно. Там ее клиническая и теоретическая работа достигла своего расцвета и получила широкое признание, появились многочисленные ученики, вышли в свет основные статьи и книги. Но в 40-е гг. она подверглась жесточайшей критике со стороны последователей ортодоксального психоанализа, в основном эмигрировавших в Англию с континента перед второй мировой войной, и вступила в непримиримое соперничество с Анной Фрейд, также поселившейся в Лондоне и разрабатывавшей свою технику детского анализа и теорию развития ребенка. Все это привело к сохраняющемуся до сих пор расколу Британского психоаналитического общества на группы последователей Мелани Кляйн и Анны Фрейд и нейтральную группу, занимающую промежуточное положение.

Наиболее важным достижением Кляйн в практике детского анализа было создание игровой техники. Она считала, что детский анализ не может проходить, как взрослый: когда пациент лежит на кушетке и предается вербальным свободным ассоциациям. Ребенок должен двигаться, играть, видеть своего аналитика. Поэтому вместо вербальных свободных ассоциаций в детском анализе Мелани Кляйн применила технику свободной игры, инициатором которой является ребенок, и которая, так же, как вербальные ассоциации взрослого человека, становится способом выражения его желаний, фантазий и жизненного опыта.

Мелани Кляйн также определила, каково должно быть расписание психоаналитических сеансов при работе с детьми и как должна быть устроена игровая комната. Каждый ребенок, в частности, имел свой отдельный ящик с игрушками, причем особый акцент делался на том, чтобы игрушки были небольшими, что позволяло им выступать непосредственно в качестве символов внутреннего мира ребенка.

В отличие от Анны Фрейд, Мелани Кляйн считала, что у маленького ребенка также возникает перенос, и уделяла большое внимание его анализу, особенно анализу негативного переноса. Она также уделяла большое внимание анализу взаимоотношений ребенка с архаическими, *частичными объектами* его внутреннего мира, например расщепленными на хорошую и плохую части матерью и отцом.

Мелани Кляйн была среди тех психоаналитиков, которые существенно расширили спектр клинического применения психоанализа, включив в него аналитическую работу с тяжело нарушенными психотическими или околопсихотическими пациентами. Для аналитической техники Мелани Кляйн характерны смелые и глубокие интерпретации с самого начала лечения, большое внимание к анализу негативных чувств вообще и негативного переноса в частности, использование при интерпретировании языка частичных объектов (груди, пениса, вагины, фекалий, хорошей и плохой матери и т. п.) и телесных функций (еды, выделения, сексуальности).

Главной теоретической заслугой Мелани Кляйн является разработка теории развития личности и межличностных отношений младенца и очень маленького ребенка. Мелани Кляйн была первой из психоаналитиков, кто сосредоточился на *отношениях* младенца и маленького ребенка с матерью и другими людьми как на главном условии и источнике развития его личности и даже просто его физического выживания. Кляйн является первым и, возможно, наиболее влиятельным теоретиком *объектных отношений* в психоанализе. Отношения ребенка и, прежде всего, его отношения с матерью, отношения пациента и, прежде всего, его отношения с аналитиком всегда оставались в центре внимания не только психоаналитической теории Мелани Кляйн, но и ее лечебной техники.

В своей теории развития Мелани Кляйн исходила из того, что у ребенка с самого начала действуют два основных влечения: любовно-сексуальное и разрушительно-агрессивное. Возникающее Эго младенца решает задачи не только взаимодействия с внешним миром, но и овладения этими инстинктами, причем сам процесс развития проходит благодаря взаимоотношениям ребенка с его первыми объектами — грудью, а затем матерью. Интроецируя (поглощая, усваивая) их, идентифицируясь с первичными объектами и с возникающими с ними объектными отношениями, ребенок строит свой внутренний мир, овладевает своими влечениями.

Мелани Кляйн считает, что процесс интеграции Эго, развития его защитных механизмов, процесс становления и развития объектных отношений проходит через две стадии, которые, однако, не имеют четкой хронологической привязки и могут существовать в течение всей жизни человека в качестве *позиций*, отражающих его отношение к самому себе и окружающему миру. Мелани Кляйн описывает две позиции: *параноидно-шизоидную* и *депрессивную*. Для параноидно-шизоидной позиции характерно отсутствие интеграции Эго и объектов, которые разделены на хорошую и плохую части. Это необходимо для того, чтобы сохранить хороший объект, хорошего себя и хорошие отношения между ними от атаки со стороны агрессивно-разрушительных частей своей личности, которые ребенок еще не в состоянии контролировать. Основными защитными механизмами являются расщепление себя и объекта и как следствие резкие и внешне не мотивированные изменения в чувствах и поведении по отношению к себе и другим людям на противоположные, и проективная идентификация, т. е. проекция на объект невыносимых в себе самом чувств, желаний, намерений, и одновременно идентификация с этим «обогащенным» своими проекциями объектом, что приводит к нарушению границ между собой и объектом, и ощущению внешнего объекта как плохой, преследующей части себя и наоборот. Фиксация на параноидно-шизоидной позиции, как следует из ее названия, присуща тяжело нарушенным пациентам, страдающим психозами или тяжелыми пограничными или нарциссическими расстройствами.

Хронологически более поздней, а клинически более зрелой и «нормальной» является депрессивная позиция, для которой характерна целостность себя и объекта, т. е. реалистическое признание в себе и в других людях как хороших, так и плохих сторон, способность испытывать вину за свои агрессивные и разрушительные чувства и желания, смягчать свою ненависть любовью и возмещать нанесенный своими поступками вред. Депрессивной позиции, соответствующей уровню невротических расстройств, присущи зрелые защитные механизмы

(вытеснение, рационализация, реактивные образования и т. п.) и объектные отношения с целостными объектами, например с матерью, с отцом, сочетающимися в себе как свои хорошие, так и плохие черты.

Обогатило психоаналитическую теорию развития также и выдвинутое Мелани Кляйн положение о том, что стадии психосексуального развития, по Фрейду,— оральная, анальная, фаллическая (генитальная) - не являются хронологически закрепленными, последовательно сменяющимися этапами развития, но присутствуют у каждого ребенка с самого рождения в качестве тенденций, а первые, ранние стадии Эдипова конфликта начинают проживаться младенцем еще при кормлении грудью. При этом ранняя «эдипизация», сексуализация ребенка говорит о его глубокой оральной неудовлетворенности в диадических отношениях с матерью.

Особый интерес Мелани Кляйн на протяжении всей ее карьеры привлекали негативные, разрушительные чувства и желания человека:

ненависть, зависть, жадность, Клиническому и теоретическому исследованию их источников и проявлений посвящены многие ее работы.

Наряду с этим, Мелани Кляйн в своих размышлениях о плохой и хорошей матери, ненависти и любви, зависти и благодарности постоянно подчеркивала важность любви, позволяющей не только смягчить и преодолеть негативные чувства, но и глядеть в будущее человечества с осторожным оптимизмом.

Мелани Кляйн была не просто выдающимся практиком и ученым, она была и создательницей своей аналитической школы. Ее учениками были такие известные психоаналитики, как Вильфред Бион, Паула Хайман, Герберт Розенфельд, Ханна Сегал. Идеи Кляйн нашли свое применение не только в клинической работе, но и в социальных и гуманитарных дисциплинах.

Мы предлагаем вашему вниманию одну из последних итоговых работ Мелани Кляйн «Зависть и благодарность» (1957), обобщающую опыт ее сорокалетней аналитической карьеры. В этой книге в присущей ей смелой и безапелляционной манере Мелани Кляйн исследует бессознательные источники «двух всем знакомых отношений — зависти и благодарности». На примере богатого литературного и клинического материала Кляйн разворачивает драму развития человека и его взаимоотношений с окружающими в борьбе любви и ненависти, доверия и подозрительности, щедрости и жадности, благодарности и зависти. Она убедительно показывает, как психоаналитическое лечение способно разрешить негативный перенос, реконструировать ранний детский опыт пациента и привести к интеграции его личности.

С большим удовольствием представляя вам эту книгу не только как переводчик и автор предисловия, но и как практикующий аналитик, многому научившийся у Мелани Кляйн, я надеюсь, что вы по достоинству оцените проницательность, глубину, энергию и обаяние этой «маленькой фрау», как назвала ее в своих ассоциациях одна из пациенток (klein, по-немецки — маленький), оказавшей такое большое влияние на весь современный психоанализ. С большим удовольствием представляя вам эту книгу не только как переводчик и автор предисловия, но и как практикующий аналитик, многому научившийся у Мелани Кляйн, я надеюсь, что вы по

достоинству оцените проницательность, глубину, энергию и обаяние этой «маленькой фрау», как назвала ее в своих ассоциациях одна из пациенток (klein, по-немецки — маленький), оказавшей такое большое влияние на весь современный психоанализ.

А. Ф. Усков

БЛАГОДАРНОСТИ

Я хотела бы выразить глубокую благодарность своему другу Лоле Брук, которая работала вместе со мной на протяжении всего периода подготовки этой книги, так же, как и многих других моих публикаций. Ей присуще редкостное понимание того, что я делаю, и она помогала мне в формулировании и оценке содержания на каждом этапе работы. Я выражаю благодарность также д-ру Эллиоту Жаку, который внес несколько ценных предложений, когда книга была еще в рукописи, и помог мне в работе над корректурой. Я в долгу у мисс Джудит Фэй, выполнившей нелегкий труд по составлению указателя.

Предисловие

В течение многих лет меня интересовали самые ранние источники двух всем знакомых отношений — зависти и благодарности. Я пришла к выводу, что зависть — это наиболее мощный фактор, подрывающий чувства любви и благодарности у самого их корня, поскольку она влияет на наиболее ранние из всех отношений, отношения с матерью. Фундаментальное значение этих отношений для всей эмоциональной жизни человека было уже доказано в ряде психоаналитических сочинений, и я полагаю, что, глубже исследуя один из факторов, приводящих к значительным нарушениям на этой ранней стадии, я сделаю важное дополнение к моим предыдущим находкам, касающимся развития младенца и формирования личности.

Я считаю, что всякая зависть — это орально-садистское и анально-садистское выражение деструктивных импульсов, действующих с начала жизни, и что она имеет конституциональную основу. Эти заключения в некоторых важных моментах близки к идеям Карла Абрахама, хотя подразумевают некоторые отличия от них. Абрахам обнаружил, что зависть — это оральная черта, но — и здесь наши взгляды расходятся — он считал, что зависть и враждебность начинают действовать к более позднему периоду, который, согласно его гипотезе, соответствует второй, орально-садистской стадии. Абрахам не говорил о благодарности, но описывал щедрость как оральную черту. Он считал анальные элементы важными компонентами зависти и подчеркивал их происхождение от орально-садистских импульсов.

Следующей важной точкой нашего соприкосновения является предположение Абрахама о конституциональном элементе, определяющем силу оральных импульсов, которую он связывал с этиологией маниакально-депрессивных расстройств.

Кроме этого, как работы Абрахама, так и мои собственные работы более полно и глубоко показали важность деструктивных импульсов. В «Краткой истории развития либидо с точки

зрения психических расстройств», написанной в 1924 г. («Избранные статьи»), Абрахам не упоминал гипотезу Фрейда о существовании инстинктов жизни и смерти, хотя работа «По ту сторону принципа удовольствия» уже была опубликована за четыре года до этого. Тем не менее, в этом произведении Абрахам исследовал корни деструктивных импульсов и использовал их для понимания этиологии психических нарушений более определенно, чем кто-либо другой до него. Мне кажется, что, хотя он не использовал концепцию Фрейда об инстинктах жизни и смерти, его клиническая работа, особенно анализ первых из когда-либо анализированных маниакально-депрессивных пациентов, были основаны на понимании, продвигавшем его в этом направлении. Я могу предположить, что ранняя смерть помешала Абрахаму осознать различные возможности использования своих находок и их глубокую связь со сделанным Фрейдом открытием двух инстинктов.

Поскольку я собираюсь опубликовать эту книгу три десятилетия спустя после смерти Абрахама, для меня большим источником наслаждения является то, что моя работа вносит вклад в растущее признание значения открытий, сделанных Абрахамом.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В этой книге я собираюсь выдвинуть некоторые новые предположения, касающиеся самой ранней эмоциональной жизни младенца, а также сделать некоторые заключения о взрослом возрасте и психическом здоровье. Неотъемлемой частью открытий Фрейда является тот факт, что исследование прошлого пациента, его детства и его бессознательного является необходимым условием понимания его взрослой личности. Фрейд открыл Эдипов комплекс у взрослых и реконструировал по этому материалу не только детали Эдипова комплекса у детей, но и время его возникновения. Находки Абрахама многое добавили к этому подходу, который стал характерной чертой психоаналитического метода. Нам также следует помнить, что, согласно Фрейду, сознательная часть психики развилась из бессознательной. Поэтому, прослеживая вплоть до раннего младенчества тот материал, который я в первую очередь обнаружила в анализе маленьких детей, а затем и в анализе взрослых, я придерживалась процедуры, уже знакомой психоанализу.

Наблюдения над маленькими детьми скоро подтвердили находки Фрейда. Я считаю, что некоторые из выводов, к которым пришла я, касающиеся гораздо более раннего возраста, первых лет жизни, также до определенной степени могут быть подтверждены наблюдением. Право — и даже необходимость — реконструировать данные о более ранних периодах жизни пациентов на основе материала, предоставляемого ими в наше распоряжение, наиболее убедительно выражены Фрейдом в следующем пассаже:

«То, что мы ищем, — это картина забытых лет пациента, которая должна выглядеть правдоподобной и, в основном, завершенной... Его [психоаналитика] работа по конструированию или, если хотите, реконструированию в большей степени напоминает археологические раскопки поселения, которое было разрушено или сожжено, или какого-нибудь древнего сооружения. Эти два процесса на самом деле идентичны, за исключением

того, что аналитик работает в лучших условиях и имеет в своем распоряжении больше материала, поскольку то, с чем он работает, не разрушено, а до сих пор живо — а, может быть, и по другой причине. И так же как археолог строит стены здания по сохранившемуся фундаменту, определяет количество и расположение колонн по углублениям в полу и восстанавливает настенную живопись и украшения по обломкам, так действует и аналитик, когда он делает свои выводы на основе фрагментов воспоминаний, ассоциаций и поведения анализируемого. Оба имеют неоспоримое право реконструировать путем дополнения и комбинирования сохранившихся остатков. Оба, более того, подвержены сходным трудностям и ошибкам... Аналитик, как мы уже сказали, работает в более благоприятных условиях, чем археолог, поскольку у него в распоряжении есть материал, которому нет аналога при раскопках, такой как повторение реакций, исходящих из детства, и все, что возникает в связи с этим повторением в переносе... Все важные элементы сохранены, и даже те, которые, казалось, полностью забыты, где-то и как-то существуют, будучи лишь похороненными и недоступными для субъекта. Более того, можно, как мы знаем, вообще усомниться, способна ли психическая структура стать жертвой полного разрушения. Только от аналитической техники зависит, достигнем ли мы успеха в полном освещении того, что было скрыто».¹

Опыт научил меня, что сложность полностью развившейся личности можно попятить, только если заглянуть в психику младенца и проследить ее развитие в дальнейшей жизни. Таким образом, анализ проделывает путь от взрослого к младенцу и через промежуточные стадии обратно к взрослому, в повторяющихся туда и обратно движениях, в соответствии с преобладающей в переносе ситуацией.

На протяжении всей своей работы я придавала фундаментальное значение первым объектным отношениям младенца — отношениям с материнской грудью и с матерью — и сделала заключение, что если этот первичный объект, который интроецируется, укореняется в Эго с достаточной стабильностью, то закладывается основа для удовлетворительного развития. Врожденные факторы вносят свой вклад в эту связь. При доминировании оральных импульсов грудь инстинктивно ощущается как источник питания и, в более глубоком смысле, самой жизни. Такая психическая и физическая близость к удовлетворяющей груди до некоторой степени восполняет, если все в порядке, потерянное пренатальное единство с матерью и чувство безопасности, которое оно дает. Это во многом зависит от способности младенца к сильной привязанности (катексису) к груди или символически заменяющей ее бутылочке; так мать превращается в любимый объект. Вполне возможно, что сформировавшаяся у младенца в пренатальном состоянии часть, олицетворяющая для него мать в этот период, способствует возникновению врожденного чувства, что вовне его существует нечто, способное удовлетворить все его потребности и желания. Хорошая грудь принимается внутрь и становится частью Эго, и младенец, который был вначале внутри матери, теперь принимает мать внутрь себя.

Хотя пренатальное состояние, без сомнения, подразумевает чувство единства и безопасности, по степень комфортности этого состояния зависит от психологического и физического состояния матери и, возможно, даже от определенных, до сих пор не исследованных факторов, связанных с самим плодом. Поэтому мы можем считать широко

распространенную ностальгию по пренатальному состоянию проявлением потребности в идеализации. Если мы исследуем эту ностальгию с точки зрения идеализации, то поймем, что одним из ее источников является сильная персекуторная ² тревога, вызванная рождением. Мы можем предположить, что эта первая форма тревоги, видимо, соединяется с неприятными переживаниями плода, которые, вместе с чувством безопасности в материнской утробе, предвещают двойственность отношений к матери, как хорошей и плохой груди.³

Внешние обстоятельства играют важную роль в первоначальном отношении к груди. Если рождение было трудным и, особенно, если возникали такие осложнения как недостаток кислорода, то происходит нарушение адаптации к внешнему миру, и отношения с грудью начинаются очень неблагоприятно. В таких случаях нарушается способность ребенка переживать новые источники удовлетворения, и вследствие этого он не способен в достаточной мере интернализировать ⁴ действительно хороший первичный объект. При дальнейшем развитии важно, доставляет ли матери удовольствие уход за ребенком или она тревожна и переживает психологические проблемы в связи с кормлением — все эти факторы влияют на способность ребенка принимать молоко с удовольствием и интернализировать хорошую грудь.

Элемент фрустрации со стороны груди неминуемо входит в самые ранние отношения младенца, потому что даже счастливая ситуация кормления не может заменить пренатального единства с матерью. К тому же тяга младенца к неистощимой и постоянно присутствующей груди исходит, без сомнения, только из желания пищи и из либидозных желаний. Поэтому даже на самых ранних стадиях потребность в постоянном ощущении материнской любви глубоко укоренена в тревоге. Борьба между инстинктами жизни и смерти и производный от нее страх уничтожения себя и объекта собственными деструктивными импульсами являются основополагающими факторами в первоначальном отношении младенца к матери. Поэтому его желания подразумевают, что грудь, а затем и мать должны устранить эти деструктивные импульсы и боль от персекуторной тревоги.

Вместе со счастливыми переживаниями неизбежные обиды подкрепляют внутренний конфликт между любовью и ненавистью, а на самом деле, в своей основе, между инстинктами любви и смерти, и, в результате, это приводит к чувству, что существуют хорошая и плохая грудь. Как следствие, ранняя эмоциональная жизнь характеризуется чувством потери и возвращения хорошего объекта. Говоря о врожденном конфликте между любовью и ненавистью, я подразумеваю, что способность как к любви, так и к деструктивным импульсам является до некоторой степени конституциональной, хотя индивидуально варьирующей по силе и взаимодействующей с самого начала с внешними условиями.

Я многократно выдвигала гипотезу, что первичный хороший объект, материнская грудь, образует ядро Эго и жизненно важен для его роста;

я часто описывала, как младенец чувствует, что он буквально интернализует грудь и то молоко, которое она дает. В его психике также есть уже неопределенное представление о связи груди и других аспектов и частей матери.

Я считаю, что грудь для него не просто физический объект. Все его инстинктивные желания, все бессознательные фантазии наделяют грудь качествами, далеко выходящими за

рамки кормления как такового, которое она обеспечивает.⁵

При анализе наших пациентов мы обнаруживаем, что грудь в своем хорошем аспекте является прототипом материнской доброты, неистощимого терпения и щедрости, а также творчества. Именно эти фантазии и инстинктивные потребности так обогащают первичный объект, что становятся основой надежды, доверия и способности полагаться на добро.

В этой книге я рассматриваю определенный аспект наиболее ранних объектных отношений и процессов интернализации, уходящих корнями в оральность. Меня интересует воздействие зависти на развитие способности к благодарности и счастью. Зависть вносит свой вклад в затруднения младенца при построении своего хорошего объекта, так как он чувствует, что удовлетворение, которого он был лишен, оставлено фрустрирующей его грудью для себя.⁶

Следует провести различие между завистью, ревностью и жадностью. Зависть — это злобное чувство, что другой человек обладает и наслаждается чем-то желаемым, завистливый импульс направлен на то, чтобы отобрать или испортить это. Более того, зависть подразумевает отношение субъекта только к одному человеку и исходит из наиболее ранних исключительных отношений с матерью. Ревность основана на зависти, но включает отношение, по крайней мере, к двум людям; она, в основном, озабочена той любовью, которую субъект чувствует своей привилегией и которую отбирает, или есть угроза, что отберет, его соперник. В обыденном представлении о ревности мужчина или женщина чувствуют, что кто-то другой лишает их любимого человека.

Жадность — это бурное и ненасытное алкание, которое превышает потребности субъекта и желание и возможности объекта давать. На бессознательном уровне жадность, в первую очередь, нацелена на вычерпывание, высасывание и пожирание груди: т. е. ее целью является деструктивная интроекция; в то время как зависть не только пытается ограбить свой объект, но также и внести плохое, в первую очередь, плохие экскременты и плохие части себя в мать и, прежде всего, в ее грудь, чтобы испортить и разрушить ее. В самом глубоком смысле это означает разрушение ее творческой способности. Этот процесс, который исходит из уретрально- и анально-садистских импульсов, я в другом месте⁷ определила как деструктивный аспект проективной идентификации, возникающий с самого начала жизни.⁸ Одно из существенных различий между жадностью и завистью, хотя и не являющееся четкой разграничительной линией, поскольку они тесно связаны, это, соответственно то, что жадность, в основном, связана с интроекцией, а зависть с проекцией.

Согласно «Краткому оксфордскому словарю», ревность означает, что кто-то другой забирает или получает «благо» («добро», «хорошее»), которое по праву принадлежит индивиду. В этом контексте я бы проинтерпретировала «хорошее» как первоначально хорошую грудь, мать, любимого человека, которых кто-то другой отнимает. Согласно «Английским синонимам» Крабба, «...ревность боится потерять то, что имеет; зависть переживает, видя, что кто-то имеет то, что хочется иметь самому... Завистливому человеку плохо при виде удовольствия. Ему хорошо только при страданиях других. Поэтому все попытки удовлетворить завистника тщетны». Ревность, согласно Краббу, — это «благородная или низкая страсть к объекту. В первом случае — это соперничество, обостренное страхом. Во втором случае — это жадность, стимулируемая страхом. Зависть всегда находится в основе, порождая вслед за собой

самые худшие страсти».

Общее отношение к ревности отличается от отношения к зависти. Действительно, в некоторых странах (в частности во Франции) убийство из ревности ведет к менее суровому наказанию. Причина такого различия заключена в общем чувстве, что убийство соперника подразумевает любовь к неверному партнеру. Это означает, используя введенные мною выше термины, что любовь к «хорошему» существует и что любимый объект не разрушается и не портится, в отличие от объекта зависти.

Шекспировский Отелло в своей ревности разрушает объект, который любит, и это, с моей точки зрения, характерно для того, что Крабб описывает как «низкую страсть ревности» — жадность, стимулируемую страхом. В этой пьесе есть замечательная ссылка на ревность как врожденное качество души:

Ревнивым в этом надобности нет.

Ревнуют не затем, что есть причина,

А только для того, чтоб ревновать.

Сама собой сыта и дышит ревность.

(Пер. Б. Пастернака)

Можно сказать, что очень завистливый человек ненасытен, он никогда не будет удовлетворен, потому что его зависть идет изнутри, и всегда найдется объект ее приложения. Это указывает на близкую связь между ревностью, жадностью и завистью.

Шекспир не всегда, видимо, различал зависть и ревность; приводимые ниже строчки из «Отелло» во всей полноте показывают значение зависти в том смысле, в каком я ее определяю здесь:

Ревности остерегайтесь

Зеленоглазой ведьмы, генерал,

Которая смеется над добычей.

*(Пер. Б. Пастернака)*⁹

Можно напомнить о выражении «укусить кормящую руку», которое почти синонимично кусанию, разрушению и порче груди.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Моя работа научила меня, что самым первым объектом зависти становится кормящая грудь,¹⁰ поскольку младенец ощущает, что она обладает всем, что ему нужно, и что существует неограниченный поток молока и любви, который грудь оставляет для собственного удовлетворения. Это ощущение добавляется к его чувствам обиды и ненависти и в результате нарушает отношения с матерью. Если зависть чрезмерна, это, с моей точки зрения, показывает,

что параноидные и шизоидные черты являются аномально сильными и что такой ребенок может расцениваться как больной.

В этом разделе я буду говорить о первичной зависти к материнской груди, и ее следует отделить от ее последующих форм (присущих желанию девочки занять место матери и женственной позиции мальчика), в которых зависть сосредоточена уже не на груди, а на матери, принимающей пенис отца, вынашивающей в себе детей, рожаящей и способной вскармливать их.

Я много раз указывала, что садистские атаки на материнскую грудь обусловлены деструктивными импульсами. Здесь я хочу добавить, что зависть придает этим атакам особую остроту. То, что я писала раньше о жадном вычерпывании груди и материнского тела и о разрушении ее детей, так же как и о вкладывании в мать плохих экскрементов,¹¹ предвосхищало то, что я затем охарактеризовала как завистливую порчу объекта. Если мы будем считать, что депривация приводит к росту жадности и персекуторной тревоги и что у младенца существует фантазия о неистощимой груди как о самом сильном своем желании, то станет понятно, насколько возрастает зависть, если ребенка кормят несоответствующим образом. Чувства младенца, видимо, состоят в том, что грудь обделяет его, она становится плохой, т. к. она удерживает молоко, любовь и заботу, ассоциирующиеся с хорошей грудью, для себя. Он ненавидит ее и завидует тому, что ощущает как подлую и злобную грудь. Возможно, более понятно то, что удовлетворяющая грудь также становится объектом зависти. Сама та легкость, с которой идет молоко, — хотя младенец и получает от этого удовлетворение — также приводит к зависти, поскольку этот дар кажется чем-то недостижимым. Мы обнаруживаем возрождение этой зависти в ситуации переноса. Например, аналитик только что сделал интерпретацию, которая принесла пациенту облегчение и привела к изменению настроения от разочарования к надежде и доверию. Для некоторых пациентов или для одного и того же пациента в определенные периоды времени эта помогающая интерпретация может вскоре превратиться в объект разрушительной критики. Она уже больше не ощущается как нечто хорошее, что он получил и пережил как свое обогащение. Его критика может быть направлена на малозначимые моменты: интерпретацию следовало сделать раньше; она была слишком длинной и нарушила ассоциации пациента; или она была слишком короткой, и это означает, что его недостаточно хорошо поняли. Завистливый пациент недоброжелателен к успешной работе аналитика, и если он чувствует, что сам аналитик и та помощь, которую он дает, испорчены и обесценены его завистливой критикой, то он не может их надлежащим образом интроецировать в качестве хорошего объекта, то есть не принимает эти интерпретации с настоящей убежденностью в их правильности и не может усвоить их. Настоящая убежденность, как мы часто наблюдаем у менее завистливых пациентов, подразумевает благодарность за полученный дар. Кроме того, завистливый пациент может чувствовать, что он недостойн помощи со стороны аналитика, что обусловлено его чувством вины за обесценивание предлагаемой ему помощи.

Нет нужды говорить, что пациенты критикуют нас по многим причинам, иногда обоснованным. Но потребность пациента обесценивать аналитическую работу, которую он воспринимает как помогающую, является проявлением зависти. В переносе мы раскрываем корни зависти, если мы прослеживаем следы эмоциональных ситуаций, с которыми мы

встречаемся на ранних стадиях, вплоть до первичной ситуации. Деструктивная критика особенно очевидна в случае параноидных пациентов, которые с удовольствием предаются садистским радостям третирования работы аналитика, даже если она приносит им некоторое облегчение. У этих пациентов завистливая критика выступает явно; у других она может играть столь же важную роль, но оставаться невыраженной и даже неосознанной. Согласно моему опыту, медленный прогресс, с которым мы сталкиваемся в этих случаях, также связан с завистью. Мы обнаруживаем, что сомнения и неуверенность в ценности анализа у таких пациентов сохраняются. При этом пациенты отщепляют завистливые и враждебные части себя и постоянно предъявляют аналитику те аспекты, которые они считают более приемлемыми. Понятно, что отщепленные части существенно влияют на ход анализа, который в конце концов может быть успешен, только если он приведет к интеграции и обеспечит целостность личности. Другие пациенты избегают критиковать аналитика, погружаясь в состояние спутанности. Эта спутанность — не только защита, но и проявление неуверенности в том, останется ли аналитик такой же хорошей фигурой или ион сам, и та помощь, которую он предоставляет, станут плохими из-за враждебной критики пациента. Эту неуверенность я вывожу из тех чувств спутанности, которые являются одними из последствий нарушения самых ранних отношений с материнской грудью. Младенец, который благодаря силе параноидных и шизоидных механизмов и остроте зависти не может разделить и успешно сохранить в отдельности любовь и ненависть и, следовательно, хороший и плохой объекты, склонен чувствовать спутанность между хорошим и плохим и в других обстоятельствах.

Так зависть и защиты от нее начинают играть важную роль в негативной терапевтической реакции, дополняя факторы, открытые Фрейдом и в дальнейшем разработанные Джоан Ривьер.¹²

Зависть и те установки, которые она порождает, препятствуют постепенному построению хорошего объекта в ситуации переноса. Если на самой ранней стадии хорошая пища и первичный хороший объект не принимаются и не усваиваются, то же повторяется в переносе, и течение анализа нарушается.

В контексте аналитического материала можно путем проработки вышеуказанных ситуаций реконструировать чувства пациента, которые он испытывал в младенчестве по отношению к материнской груди. Например, младенец может быть обижен на то, что молоко идет слишком быстро или слишком медленно¹³ или что ему не дают грудь, когда он больше всего жаждет ее, и поэтому, когда затем ее дают, он уже ее больше не хочет. Он отворачивается от нее и вместо этого сосет свои пальцы. Когда младенец принимает грудь, он может съесть недостаточно много, или кормление может быть нарушено. Некоторым младенцам явно очень трудно справиться с такими обидами. У других эти чувства, хотя и основаны на действительных фрустрациях, скоро проходят; грудь принимается, и они полностью наслаждаются пищей. В анализе мы встречаем пациентов, которые, как им говорили, с удовольствием принимали пищу и не выказывали явных признаков тех установок, которые я только что описала, и отщепили свои обиды, зависть и ненависть, которые, тем не менее, сыграли роль в развитии их характера. Эти процессы становятся совершенно явными в ситуации переноса. Исходное желание доставить удовольствие матери, потребность быть любимым, так же, как и стремление

защититься от последствий собственных деструктивных импульсов, как обнаруживает анализ, являются подоплекой сотрудничества со стороны этих пациентов, чьи зависть и ненависть отщеплены, но образуют часть негативной терапевтической реакции.

II

Я много говорю о желании младенца обладать неистощимой, всегда доступной для него грудью. Но, как я предположила в предыдущем разделе, он хочет не только пищи; он также хочет, чтобы его освободили от деструктивных импульсов и персекуторной тревоги. Это чувство, что мать всемогуща и может избавить от любой боли и зла, исходящих из внешних и внутренних источников, можно также найти и при анализе взрослых. Между прочим, я хотела бы сказать, что очень благоприятные изменения в кормлении детей, произошедшие в последние годы, в отличие от довольно жесткого способа кормления по расписанию, не могут, тем не менее, сами по себе предотвратить затруднений ребенка, т. к. мать не может устранить его деструктивных импульсов и персекуторной тревоги. Необходимо рассмотреть еще один момент. Слишком тревожное отношение со стороны матери, которая, каждый раз как ребенок плачет, тут же дает ему есть, не помогает ребенку. Он чувствует тревогу матери, и это увеличивает его собственную тревогу. Я также встречала у взрослых обиды на то, что им не давали достаточно поплакать, и они поэтому потеряли способность выражать тревогу и горе (и получать таким образом облегчение), так что ни агрессивные импульсы, ни депрессивные тревоги не могли найти себе полного выхода. Интересно, что Абрахам упоминает среди факторов, лежащих в основе маниакально-депрессивного расстройства, как чрезмерную фрустрацию, так и слишком сильное потакание желаниям¹⁴, поскольку фрустрация, если она не чрезмерна, является стимулом адаптации к внешнему миру и способствует развитию чувства реальности. Действительно, определенная доля фрустрации, за которой следует удовлетворение, может дать младенцу чувство, что он способен справиться с тревогой. Я также обнаружила, что неисполненные желания младенца, которые, до некоторой степени, и невозможно исполнить, вносят важный вклад в его сублимации и творческую деятельность. Отсутствие конфликта у младенца, если это гипотетическое состояние можно представить, лишает его возможности обогащения своей личности и важного фактора в усилении Эго, поскольку конфликт и потребность в его преодолении — это фундаментальные элементы творчества.

Из утверждения, что зависть портит первичный хороший объект и придает дополнительную остроту садистским нападкам на грудь, следуют дальнейшие выводы. Грудь, на которую так нападают, теряет свою ценность, становясь плохой — искусанной и отравленной мочой и калом. Чрезмерная зависть повышает *интенсивность* этих нападков и их *длительность* и тем самым затрудняет младенцу возможность восстановить хороший объект; в то время как садистские нападки на грудь, которые в меньшей степени обусловлены завистью, проходят гораздо быстрее и поэтому не разрушают так сильно и так надолго хороший объект в душе ребенка: грудь, которая возвращается и которой можно наслаждаться, становится доказательством того, что она не повреждена и по-прежнему хороша.¹⁵

Тот факт, что зависть подрывает способность к удовлетворению, до некоторой степени

объясняет, почему она столь упорна¹⁶, поскольку именно *удовольствие* и вызванная им *благодарность* смягчают деструктивные импульсы, зависть и жадность. Можно посмотреть на это и с другой точки зрения: жадность, зависть и персекуторная тревога, связанные друг с другом, неизбежно усиливают Друг друга. Чувство вреда, причиненного завистью, сильная тревога, вызванная этим, и вследствие этого неуверенность в «хорошести» объекта, приводят в результате к возрастанию жадности и деструктивных импульсов. Даже если после этого объект и ощущается как хороший, то он желается и берется вовнутрь еще более жадно. Это приложимо и к пище. В анализе мы обнаруживаем, что если пациент испытывает большие сомнения по поводу своего объекта и, следовательно, также по поводу ценности аналитика и анализа, он может вцепиться в любую интерпретацию, которая облегчит его тревогу, и склонен продлевать сессии, поскольку он хочет принять в себя как можно больше того, что он сейчас ощущает хорошим. (Некоторые люди, наоборот, так боятся своей жадности, что очень стараются уйти точно вовремя.)

Сомнения по поводу обладания хорошим объектом и соответствующая неуверенность в собственных добрых чувствах приводят также к жадным и неразборчивым идентификациям; на таких людей легко повлиять, т. к. они не могут доверять собственным суждениям.

По сравнению с младенцем, который из-за зависти не способен к стабильному установлению хорошего внутреннего объекта, ребенок с сильной способностью к любви и благодарности поддерживает глубоко укорененные отношения со своим хорошим объектом и может, не будучи фундаментально поврежденным, выносить временные состояния зависти, ненависти и обиды, которые возникают даже у детей, которых любят и за которыми хорошо ухаживают. Таким образом, поскольку эти негативные состояния преходящи, хороший объект восстанавливается снова и снова. Это необходимый фактор в его укреплении и закладке основы стабильности и сильного Эго. В ходе развития ребенка отношения с материнской грудью становятся основой преданности людям, ценностям и делам и, таким образом, поглощают часть любви, которая первоначально испытывалась к первичному объекту.

III

Одним из главных производных способности к любви является чувство благодарности. Благодарность необходима для построения отношений с хорошим объектом и является подоплекой оценки «хорошести» в других людях и в себе самом. Благодарность уходит корнями в эмоции и отношения, возникающие на наиболее ранней стадии младенчества, когда для младенца мать — это единственный объект. Я уже указывала на эту раннюю связь¹⁷ как на основу всех позднейших отношений с любимым человеком. Хотя исключительные отношения, с матерью индивидуально варьируют в продолжительности и интенсивности, я считаю, что, в той или иной степени, они существуют у большинства людей. То, в какой степени они остаются ненарушенными, частично зависит от внешних обстоятельств. Но внутренние факторы, лежащие в их основе, прежде всего, способность к любви, видимо, являются врожденными. Деструктивные импульсы, особенно сильная зависть, могут на ранней стадии нарушить эту специфическую связь с матерью. Если зависть к кормящей груди сильна, то это препятствует

полному удовлетворению, потому что, как я уже сказала, для зависти характерно то, что она подразумевает кражу у объекта того, чем он обладает, и его порчу.

Младенец может испытывать полное удовольствие только если способность к любви достаточно развита; и это удовольствие образует основу благодарности. Фрейд описывал блаженство насосавшегося младенца как прототип полового удовлетворения.¹⁸ С моей точки зрения, эти переживания образуют основу не только полового удовлетворения, но и всего последующего счастья и способности чувствовать единство с другим человеком; это единство подразумевает полное понимание, которое необходимо для всяких счастливых любовных отношений или дружбы. В идеале, это понимание не нуждается в словах для своего выражения, что указывает на его происхождение от наиболее ранней близости с матерью на довербальной стадии. Способность получать полное удовольствие от первого отношения с грудью образует основу переживания удовольствия из всех прочих источников.

Если ненарушенное удовольствие от кормления переживается часто, то происходит достаточно прочная интроекция хорошей груди. Полное удовлетворение от груди означает, что младенец чувствует, что он получил от своего объекта исключительный дар, который он хотел бы сохранить. Это и составляет основу благодарности. Благодарность тесно связана с верой в добро. Это включает в себя, прежде всего, способность принимать и усваивать любимый первичный объект (не только как источник пищи) без особых помех со стороны жадности или зависти, поскольку жадная интернализация нарушает отношения с объектом. В ситуации жадной интернализации человек чувствует, что он контролирует и истощает, а потому ранит свой объект, в то время как в хороших отношениях с внутренними и внешними объектами доминирует желание сохранять и жалеть. По другому поводу¹⁹ я писала, что процесс, лежащий в основе доверия к хорошей груди, исходит из способности младенца вкладывать либидо в свой первый внешний объект. Так устанавливается хороший объект²⁰, который любит и защищает Я и сам любим и защищаем им. Так возникает вера в собственную «хорошесть» (доброту).

Чем чаще удовлетворение от груди переживается и полностью принимается, тем чаще чувствуются удовольствие и благодарность и, следовательно, желание вернуть полученное удовольствие. Эти повторяющиеся переживания делают благодарность возможной на самом глубоком уровне и создают предпосылки для способности возмещать причиненный вред и для любых сублимаций. Путем процесса проекции и интроекции, путем отдачи вовне и повторной интроекции внутреннего богатства происходят обогащение и углубление Эго. Так обладание помогающим внутренним объектом устанавливается снова, раз за разом, и благодарность способна полностью проявить себя.

Благодарность тесно связана со щедростью. Внутреннее богатство возникает благодаря усвоению хорошего объекта, так что индивид становится способен поделиться его дарами с другими людьми. Это позволяет интроецировать более дружественный внешний мир, и чувство обогащения усиливается. Даже тот факт, что щедрость часто недостаточно оценивается, не обязательно подрывает способность давать. И наоборот, у тех людей, у которых это чувство внутреннего богатства и силы не установлено в достаточной мере, всплески щедрости часто перемежаются с преувеличенной потребностью в оценке и благодарности и впоследствии с персекуторными тревогами обеднения и обкраденности.

Сильная зависть к кормящей груди препятствует способности получать полное удовольствие и, таким образом, подрывает развитие благодарности. Есть очень сильные психологические причины того, почему зависть фигурирует среди «семи смертных грехов». Я бы даже предположила, что она бессознательно ощущается самым большим грехом, поскольку портит и повреждает хороший объект, являющийся источником жизни. Этот взгляд совпадает со взглядом Чосера в «Сказке о Парсопсах»: «Несомненно, зависть — самый худший из грехов; поскольку остальные грехи — это грехи против какой-то одной добродетели, в то время как зависть — против всех добродетелей и против всего хорошего». Чувство, что он повредил и разрушил первичный объект, нарушает веру человека в искренность его дальнейших отношений и заставляет его сомневаться в своей способности любить и быть хорошим.

Мы часто сталкиваемся с проявлениями благодарности, которые вызваны, в основном, чувством вины, и, в гораздо меньшей степени, способностью к любви. Я полагаю, что на самом глубоком уровне есть важное различие между этим чувством вины и благодарностью. Конечно, это не означает, что некоторый элемент вины не вторгается в наиболее искренние чувства благодарности.

Мои наблюдения показали, что серьезные изменения в характере, которые выражаются в его порче, более вероятны среди тех людей, которые не установили свой первый объект устойчиво и не способны к поддержанию благодарности к нему. Если у этих людей по внешним или внутренним причинам возрастает персекуторная тревога, то они полностью теряют свой первичный хороший объект или, скорее, его замены, будь то люди или ценности. Процессы, лежащие в основе этого изменения, являются регрессивным возвратом к ранним механизмам расщепления и дезинтеграции. Поскольку это вопрос степени, то эта дезинтеграция, хотя и сильно влияет на характер, не обязательно ведет к явной болезни. Жажда власти и престижа или потребность умиротворить преследователей любой ценой — это те аспекты изменений характера, которые приходят мне в голову.

В некоторых случаях я наблюдала, что при общем возрастании зависти у человека происходит активизация зависти, идущей из самых ранних источников. Поскольку ранние чувства имеют всемогущую природу, это отражается и на текущих чувствах зависти, переживаемых по отношению к фигуре-заместителю, и поэтому вносит свой вклад как в эмоции, пробужденные завистью, так и в уныние и вину. Вероятно, такая активизация самой ранней зависти повседневным опытом знакома каждому, но как степень, так и интенсивность этого чувства, так же, как и чувство всемогущего разрушения, варьируют в зависимости от индивида. Этот фактор может оказаться очень важным при анализе зависти, поскольку, только если анализ способен дойти до ее глубочайших истоков, он достигает полного эффекта.

Без сомнения, фрустрации и несчастливые обстоятельства, возникающие в течение жизни, пробуждают зависть и ненависть у каждого человека, но сила этих эмоций и способы совладания с ними существенно различаются. Это одна из многих причин, почему у разных людей способности получать удовольствие, связанные с чувством благодарности за полученное благо, также существенно различаются.

Глава третья

I

Для прояснения своих аргументов мне необходимо сослаться на свои идеи относительно раннего Эго. Я считаю, что Эго существует с самого начала постнатальной жизни, хотя и в рудиментарной форме, и во многом недостаточно едино. Уже на самой ранней стадии оно выполняет ряд важных функций. Очень может быть, что это раннее Эго приблизительно совпадает с бессознательной частью Эго, постулируемой Фрейдом. Хотя Фрейд и не подразумевал существования Эго с самого рождения, он приписывал организму функции, которые, как я представляю, могут выполняться только Эго. Угроза уничтожения, исходящая от внутреннего инстинкта смерти, с моей точки зрения, которая в этом отличается от мнения Фрейда²¹, — это та самая примитивная тревога; и именно Эго, обслуживающее инстинкт жизни, возможно, даже приведенное в действие инстинктом жизни, способно до некоторой степени отклонить эту угрозу вовне. Это та самая базовая защита против инстинкта смерти, которую Фрейд приписывал организму и которую я считаю первой деятельностью Эго.

Есть другие первичные деятельности Эго, которые, с моей точки зрения, исходят из настоящей потребности как-то участвовать в борьбе между инстинктами жизни и смерти. Одной из этих функций является постепенная интеграция, исходящая из инстинкта жизни и выражающая себя в способности любить. Противоположная тенденция Эго — расщеплять себя и свои объекты — частично существует, поскольку Эго в целом не достаточно едино при рождении, и частично — поскольку расщепление образует защиту против примитивной тревоги и, следовательно, является средством защиты Эго. В течение многих лет я приписывала особое значение одному определенному процессу расщепления: разделению груди на хороший и плохой объекты. Я рассматривала это расщепление как выражение врожденного конфликта между любовью и ненавистью и возникающих при этом тревог. Однако, наряду с этим разделением, существуют другие процессы расщепления и только в недавние годы они стали более понятны. Например, я обнаружила, что одновременно с жадной и опустошающей интернализацией объекта — в первую очередь груди — Эго в различной степени фрагментирует себя и свои объекты и таким путем достигает распыления деструктивных импульсов и внутренних персекуторных тревог. Этот процесс, варьирующий по силе и определяющий большую или меньшую степень нормальности индивида, является одной из защит в период параноидно-шизоидной позиции, которая в норме, как я считаю, захватывает первые три-четыре месяца жизни.²² Я не предполагаю, что во время этого периода младенец не способен к полному удовольствию от еды, от отношений с матерью и частых состояний физического комфорта и благополучия. Но каждый раз, когда возникает тревога, она имеет в основном параноидную природу, и защиты от нее, так же, как и используемые механизмы, являются преимущественно шизоидными. То же самое приложимо, с соответствующими изменениями, к эмоциональной жизни младенца в период, характеризуемый депрессивной позицией.

Возвратимся опять к процессам расщепления, которые я считаю предварительным условием относительной стабильности совсем маленького младенца. На протяжении первых

нескольких месяцев младенец обычно сохраняет хороший объект отдельно от плохого и, таким образом, что самое важное, оберегает его, а это также означает, что его безопасность возрастает. В то же время это первичное разделение успешно, только если существует адекватная способность к любви и относительно сильное Эго. Моя гипотеза поэтому состоит в том, что способность в любви обостряет как тенденции к интеграции, так и успешное первичное расщепление между любимым и ненавидимым объектами. Это звучит как парадокс. Но поскольку, как я уже сказала, интеграция основана на крепко укорененном хорошем объекте, который образует ядро Эго, то определенное количество расщепления необходимо для интеграции, так как оно сохраняет хороший объект и дает возможность Эго впоследствии синтезировать эти два его аспекта. Чрезмерная зависть — выражение деструктивных импульсов — препятствует первичному расщеплению между хорошей и плохой грудью, и построение хорошего объекта становится в целом недостижимым. Таким образом, не закладывается основа для полностью развитой и интегрированной взрослой личности, поскольку нарушается позднейшая дифференциация между хорошим и плохим в различных ситуациях. В той мере, в какой это расстройство развития вызвано чрезмерной завистью, оно исходит из преобладания на самых ранних стадиях параноидных и шизоидных механизмов, которые, согласно моей гипотезе, образуют основу шизофрении.

II

При исследовании ранних процессов расщепления существенно важно различать хороший и идеализированный объекты, хотя это различие и не может быть проведено четко. Слишком глубокое расщепление между двумя объектами показывает, что оно проходит не между хорошим и плохим объектами, а между идеализированным и очень скверным. Такое глубокое и резкое их разведение говорит о том, что деструктивные импульсы, зависть и персекуторная тревога очень сильны и что идеализация служит, в основном, защитой от этих эмоций.

Если хороший объект глубоко укоренен, расщепление имеет фундаментально другую природу и позволяет действовать процессам интеграции Эго и синтеза объектов, имеющим решающее значение. Так достигается некоторое смягчение ненависти любовью, и становится возможной проработка депрессивной позиции. В результате идентификация с хорошим и целостным объектом устанавливается более стабильно, что делает Эго более сильным и позволяет ему сохранять свою идентичность, так же, как и чувство собственной «хорошести». Эго становится менее склонным к неразборчивым идентификациям с множеством объектов, которые характерны для слабого Эго. Более того, полная идентификация с хорошим объектом сопровождается чувством, что Я само является хорошим. Когда дела идут плохо, чрезмерная проективная идентификация, посредством которой отщепленные части себя проецируются на объект, приводит к сильной спутанности между собой и объектом, который также становится на место себя.²³ С этим связано ослабление Это и грубые нарушения объектных отношений.

Младенцы, чья способность к любви сильна, чувствуют меньшую потребность в идеализации, по сравнению с теми, у кого преобладают деструктивные импульсы и персекуторная тревога. Чрезмерная идеализация означает, что преследование является

основной движущей силой. Как я обнаружила много лет назад при работе с маленькими детьми, идеализация сопутствует персекуторной тревоге — это защита против нее, и идеальная грудь противоположна опустошающей груди.

Идеализированный объект гораздо в меньшей степени интегрирован в Эго, чем хороший объект, поскольку он, в основном, обязан своему происхождению персекуторной тревоге и, в гораздо меньшей степени, — способности любить. Я также обнаружила, что идеализация вызвана врожденным чувством, что хорошая грудь существует, чувством, вызывающим жажду хорошего объекта и способности любить его.²⁴ Это, видимо, является условием, необходимым для самой жизни, т. е. выражением инстинкта жизни. Поскольку потребность в хорошем объекте является всеобъемлющей, различие между идеализированным и хорошим объектами нельзя считать абсолютным.

Некоторые люди пытаются справиться со своей неспособностью к обладанию хорошим объектом (происходящей от чрезмерной зависти) путем его идеализации. Первичная идеализация ненадежна, т.к. зависть, переживаемая по отношению к хорошему объекту, распространяется и на его идеализированный аспект. То же самое справедливо и по отношению к идеализации последующих объектов и идентификации с ними, которая часто нестабильна и расплывчата. Жадность — важный фактор этой расплывчатой идентификации, т. к. потребность брать лучшее отовсюду противоречит способности к выбору и различению. Эта неспособность также сочетается со спутанностью между хорошим и плохим, которая возникает в отношениях с первичным объектом.

В то время как люди, которые смогли установить первичный хороший объект с относительной надежностью, способны сохранить свою любовь к нему, несмотря на его недостатки, для других людей в их любовных и дружеских отношениях характерна идеализация. Поскольку она имеет тенденцию разрушаться, то один любимый объект может часто заменяться на другой, т. к. ни один **не** может полностью соответствовать ожиданиям.

Тот человек, который прежде идеализировался, после этого часто ощущается как преследователь (что указывает на корни идеализации — спутницы преследования), и на него проецируется завистливое и критическое отношение субъекта. Очень важно, что сходные процессы действуют и во внутреннем мире в процессе контейнирования особенно опасных внутренних объектов. Все это ведет к нестабильности во взаимоотношениях. Это еще один аспект слабости Эго, на который я ссылаюсь раньше в связи с расплывчатыми идентификациями.

Сомнения, связанные с хорошим объектом, легко возникают даже в безопасных отношениях ребенка и матери; это вызвано не только тем, что младенец очень зависим от матери, но и тем, что у него возникает периодическая тревога, что его жадность и деструктивные импульсы одержат победу над ним, — тревога, которая является важным фактором депрессивных состояний. Таким образом, на любой стадии жизни под давлением тревоги вера в хорошие объекты и доверие к ним могут быть поколеблены; но именно *интенсивность* и *продолжительность* этих состояний сомнения, отчаяния и преследуемое™ определяют, способно ли Эго реинтегрировать себя и восстановить хорошие объекты в целостности и сохранности.²⁵ Надежда на хорошее и вера в существование добра, как можно наблюдать в

повседневной жизни, помогают людям во всех несчастьях и эффективно противостоят преследованию.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Получается, что одним из последствий чрезмерной зависти становится раннее появление чувства вины. Если преждевременное чувство вины переживается Это, еще не способным его вынести, то вина ощущается как преследование, а объект, вызывающий вину, превращается в преследователя. Таким образом, младенец не может проработать депрессивную или персекуторную тревогу, потому что они оказываются смешанными друг с другом. Несколькими месяцами позже, когда возникнет депрессивная позиция, более интегрированное и сильное Эго обретет большую способность выносить боль вины и создавать соответствующие защиты, в основном, — тенденцию к возмещению нанесенного вреда (репарации).

Тот факт, что на самой ранней стадии (т. е. во время параноидно-шизоидной позиции) преждевременная вина усиливает чувство преследуемоеTM и дезинтеграции, приводит к тому, что проработка депрессивной позиции также оказывается неудачной.²⁶

Эту неудачу можно заметить как у детей, так и у взрослых пациентов: коль скоро есть чувство вины, аналитик становится преследователем и обвиняется по любому поводу. В таких случаях мы обнаруживаем, что пациенты, будучи младенцами, не могли переживать вину без того, чтобы она вела к персекуторной тревоге с соответствующими ей защитами. Эти защиты проявляются позже как проекция на аналитика и всемогущее отрицание.

Моя гипотеза состоит в том, что один из глубочайших источников вины всегда связан с завистью к кормящей груди и с чувством порчи ее добра своими завистливыми нападками. Если в раннем младенчестве первичный объект был установлен достаточно стабильно, то с вызываемой этими чувствами виной можно успешно справиться, поскольку в этом случае вина более преходяща и менее способна угрожать отношениям с хорошим объектом.

Чрезмерная зависть препятствует адекватному оральному удовлетворению и, таким образом, выступает в качестве стимула к интенсификации генитальных желаний и тенденций. Это подразумевает, что младенец слишком рано обращается к генитальному удовлетворению, а значит, оральное отношение генитализируется, и генитальные тенденции становятся слишком сильно окрашены оральными обидами и тревогами. Я часто говорила, что генитальные ощущения и желания, возможно, действуют с самого рождения; например, хорошо известно, что у младенцев-мальчиков бывают эрекции уже на очень ранней стадии. Но, говоря о преждевременном появлении этих ощущений, я имела в виду, что генитальные тенденции препятствуют оральному на той стадии, когда в норме оральные желания преобладают.²⁷ Здесь мы опять должны рассмотреть последствия ранней спутанности, выражающиеся в перемешанности оральных, анальных и генитальных импульсов и фантазий. Перекрытие этих различных источников либидо и агрессивности является нормальным. Но когда перекрытие приводит к неспособности в достаточной степени переживать преобладание каждой из этих тенденций на соответствующей стадии развития, тогда и последующая сексуальная жизнь и сублимации оказываются под неблагоприятным влиянием. Генитальность,

основанная на бегстве от оральности, небезопасна, ненадежна, т. к. она несет в себе подозрения и разочарования, связанные с нарушенным оральным удовольствием. Препятствие примату оральности со стороны генитальных тенденций мешает удовлетворению в генитальной сфере и часто ведет к навязчивой мастурбации и промискуитету. Поскольку недостаток первичного удовольствия вносит в генитальные желания компульсивный элемент, это, как я наблюдала у некоторых пациентов, приводит к тому, что сексуальные ощущения вторгаются в любую деятельность, в процессы мышления и интересы. У некоторых младенцев бегство в Генитальность — это также защита от ненависти и повреждения первого объекта, к которому они испытывают амбивалентные чувства. Я обнаружила, что преждевременное начало гениальности может быть связано с ранним появлением вины и характерно для параноидных и шизоидных случаев.²⁸

Когда младенец достигает депрессивной позиции и становится более способен к встрече со своей психической реальностью, он также чувствует, что «плохость» объекта во многом связана с его собственной агрессивностью и возникшей вследствие нее проекцией. Понимание этого, как мы можем видеть в ситуации переноса; вызывает большую психическую боль и вину в период, когда депрессивная позиция находится на высоте своего развития. Но оно также приносит чувства облегчения и надежды, что, в свою очередь, делает менее трудным воссоединение двух аспектов себя и объекта и проработку депрессивной позиции. Эта надежда основана на растущем бессознательном знании, что внутренний и внешний объекты не так плохи, как это ощущалось в их отщепленных аспектах. Путем смягчения ненависти любовью внутренний объект ребенка улучшается. Он уже не вызывает чувства, что он должен был быть разрушен в прошлом, уменьшается и опасность того, что он будет разрушен в будущем; не поврежденный, он ощущается как менее уязвимый в настоящем и будущем. Внутренний объект приобретает сдерживающую и сохраняющую Я установку, и его большая сила является важным аспектом функции Супер-Эго.

При описании преодоления депрессивной позиции, связанной с большим доверием к хорошему внутреннему объекту, я не собираюсь утверждать, что эти результаты не могут быть временно уничтожены. Напряжение, внутреннее или внешнее по своей природе, способно породить депрессию и недоверие к себе и объекту. Однако способность выходить из таких депрессивных состояний и восстанавливать свое чувство внутренней безопасности — это, на мой взгляд, критерий хорошо развитой личности. Напротив, овладение депрессией путем ее отрицания и ожесточения чувств — это регрессия к маниакальным защитами, используемым во время младенческой депрессивной позиции.

II

Существует прямая связь между завистью, переживаемой к материнской груди, и развитием ревности. Ревность основана на подозрении к отцу и соперничестве с ним, поскольку он обвиняется в том, что отнял материнскую грудь и мать. Соперничество отмечается на ранних стадиях прямого и инвертированного Эдипова комплекса, которые в норме возникают одновременно с депрессивной позицией во вторую четверть первого года.²⁹

Развитие Эдипова комплекса в большей степени зависит от превратностей первых исключительных отношений с матерью, и если эти отношения слишком скоро нарушаются, соперничество с отцом возникает преждевременно. Фантазии о пенисе внутри матери или внутри ее груди превращают отца во враждебно вторгающуюся фигуру. Эта фантазия особенно сильна, если младенец не получил полного удовольствия и счастья, которыми его должны обеспечить ранние отношения с матерью, и не усвоил с достаточной безопасностью свой первый хороший объект. Эта неудача частично зависит от силы зависти.

Когда в более ранних работах я описывала депрессивную позицию, я показала, что на этой стадии младенец постепенно интегрирует свои чувства любви и ненависти, синтезирует хороший и плохой аспекты матери и проходит через состояния оплакивания, связанные с чувством вины. Он также начинает больше понимать внешний мир и узнает, что он не может удерживать мать у себя как свою исключительную собственность. Сможет ли младенец найти помощь этому горю в отношениях со вторым объектом — отцом, с другими людьми вокруг, или нет? Это во многом зависит от тех эмоций, которые он испытывает к своему потерянному уникальному объекту. Если это отношение было прочно установлено, страх потери матери слабее, а способность делиться ею сильнее. Так что он может испытывать больше любви к своим соперникам. Все это подразумевает, что он способен успешно проработать депрессивную позицию, что, в свою очередь, зависит от того, не была ли зависть к первичному объекту чрезмерной.

Ревность, как мы знаем, изначально присуща Эдиповой ситуации и сопровождается ненавистью и желаниями смерти. В норме, однако, приобретение новых объектов, которые можно любить, — отца и сиблингов — и другие компенсации, которые развивающееся Эго получает из внешнего мира, в определенной степени смягчают ревность и обиду.

Если параноидные и шизоидные механизмы сильны, ревность и, в конце концов, зависть остаются не смягченными. Развитие Эдипова комплекса проходит под сильным влиянием всех этих факторов.

Среди особенностей самой ранней стадии Эдипова комплекса есть фантазии о материнской груди и матери, содержащих в себе пенис отца, или отце, содержащем в себе мать. Они составляют основу комбинированной родительской фигуры, и я подробно писала о важности этих фантазий в предыдущих работах.³⁰ Влияние комбинированной родительской фигуры на способность младенца дифференцировать родителей и устанавливать хорошие отношения с каждым из них зависит от силы зависти и интенсивности его Эдиповой ревности, поскольку подозрение, что родители всегда получают сексуальное удовлетворение друг от друга подкрепляет эту исходящую из разных источников фантазию, что они всегда комбинированы (едины, слиты). Если эти тревоги сильны и слишком продолжительны, результатом может быть длительное нарушение отношений с обоими родителями. У очень больных индивидов неспособность отделить отношения с отцом от отношений с матерью из-за их сложной переплетенности в уме пациента играет важную роль при тяжелых состояниях спутанности,

Если зависть не чрезмерна, ревность в Эдиповой ситуации становится средством ее проработки. Когда человек переживает ревность, его враждебные чувства направлены, скорее,

не против первичного объекта, а против соперников — отца или сиблингов, что делает эти чувства менее концентрированными. Одновременно, когда эти отношения развиваются, они порождают чувства любви и становятся новыми источниками удовлетворения. Более того, смена оральных желаний генитальными уменьшает значение матери как источника оральных удовольствий. (Как мы знаем, объект зависти, в основном, орален). У мальчика большая доля ненависти направляется на отца, которому он завидует как обладателю матери; это типичная Эдипова ревность. У девочки генитальные желания к отцу позволяют ей найти другой любимый объект. Так что ревность в некоторой степени заменяет зависть; мать становится главной соперницей. Девочка хочет занять место матери, обладать детьми и заботиться о детях, которых любящий отец дает матери. Идентификация с матерью в этой роли расширяет круг возможных сублимаций. Важно также иметь в виду, что проработка зависти с помощью ревности — это еще и важная защита против зависти. Ревность считается гораздо более приемлемой и порождает гораздо меньше вины, чем первичная зависть, которая разрушает первый хороший объект.

В анализе мы часто можем видеть тесную связь между ревностью и завистью. Например, пациент очень ревнует меня к мужчине, с которым, как он думает, я нахожусь в близком личном контакте. Следующим шагом становится чувство, что, в любом случае, я, видимо, скучна и неинтересна в частной жизни, и внезапно весь анализ предстает перед ним как скучный. Интерпретация, сделанная в этом случае самим пациентом, — что это защита — приводит к осознанию обесценивания аналитика в результате роста зависти.

Амбиции — другой фактор, способный всколыхнуть зависть. Это часто связано, в первую очередь, с соперничеством и конкуренцией в Эдиповой ситуации; но если амбиции чрезмерны, это ясно указывает на то, что их корни — в зависти к первичному объекту. Неспособность удовлетворить свои амбиции часто вызвана конфликтом между желанием исправить объект, поврежденный деструктивной завистью, и новым проявлением зависти.

Открытие Фрейдом зависти к пенису у женщин и ее связи с агрессивными импульсами было основным вкладом в понимание зависти. Когда зависть к пенису и кастрационные желания сильны, объект зависти, пенис, должен быть разрушен, а мужчина, который обладает им, лишен его. В «Анализе конечном и бесконечном»³¹ Фрейд делает акцент на трудностях, встающих при анализе женщин-пациенток из-за того факта, что они никогда не смогут приобрести желаемый ими пенис. Он утверждает, что женщины-пациентки чувствуют «внутреннее убеждение, что анализ ничего им не даст, и им не станет лучше; мы можем только согласиться с ними, когда обнаружим, что наиболее сильным мотивом их прихода в анализ была надежда, что они смогут все же как-нибудь приобрести мужской орган, отсутствие которого так болезненно для них».

В зависть к пенису вносят свой вклад несколько факторов, которые я обсуждала в связи с другими вопросами.³² В этом контексте я хочу рассмотреть женскую зависть к пенису в основном в той части, которая имеет оральное происхождение. Как мы знаем, при доминировании оральных желаний пенис во многом уравнивается с грудью (Абрахам) и, по моему опыту, зависть к пенису у женщины можно проследить вплоть до зависти к материнской груди. Я обнаружила, что если анализировать зависть к пенису у женщин в этом направлении,

мы можем увидеть, что ее корни лежат в ранних отношениях с матерью, в фундаментальной зависти к материнской груди и в деструктивных чувствах, связанных с этим.

Фрейд показал, насколько отношение девочки к матери живо в ее последующих отношениях с мужчинами. Когда зависть к материнской груди в основном переносится на пенис отца, результатом может быть подкрепление ее гомосексуальных установок. Другой результат — это внезапный и крутой поворот к пенису от груди из-за чрезмерных тревог и конфликтов, которые вызваны оральными отношениями. Это, по сути своей, механизм бегства и поэтому он не ведет к стабильным отношениям со вторым объектом. Если главным мотивом этого бегства являются зависть и ненависть, испытываемые к матери, эти эмоции скоро переносятся на отца, и вследствие этого длительные любящие отношения с ним не могут быть установлены. Одновременно завистливое отношение к матери проявляет себя в чрезмерном Эдиповом соперничестве. Это соперничество гораздо меньше обусловлено любовью к отцу, чем завистью к материнскому обладанию отцом и его пенисом. Зависть, испытываемая к груди, затем полностью переносится в Эдипову ситуацию. Отец (или его пенис) становится приложением матери, и, основываясь именно на этом, девочка хочет украсть его у матери. Поэтому в последующей жизни каждый ее успех в отношениях с мужчинами становится победой над другой женщиной. Это относится и к случаям, где нет очевидной соперницы, потому что соперничество тогда направлено против матери мужчины, что можно увидеть по частым нарушениям в отношениях между невесткой и свекровью. Если мужчина ценится, в основном, за то, что его завоевание становится триумфом над другой женщиной, то интерес к нему пропадает, коль скоро достигнут успех. Отношение к женщине-сопернице тогда подразумевает: «Ты (заместительница матери) обладала этой чудесной грудью, которую я не могла получить у тебя, когда ты прятала ее от меня, и которую я сейчас хочу украсть у тебя;

поэтому я отбираю у тебя этот пение, который ты лелеешь». Потребность в повторении этого триумфа над ненавистной соперницей часто вносит большой вклад в поиск следующего и следующего мужчины.

Если ненависть и зависть к матери не так сильны, то, хотя разочарование и обида могут привести к отворачиванию от нее, идеализация второго объекта, пениса отца и отца, может быть тогда более успешной. Эта идеализация исходит, в основном, из поиска хорошего объекта, поиска, который не был успешен в первый раз и поэтому может быть неудачен снова, но неудачен не обязательно, если любовь к отцу в ситуации ревности доминирует, поскольку женщина может сочетать некоторую ненависть к матери и любовь к отцу, а затем и к другим мужчинам. **15** этом случае дружеские чувства к другим женщинам возможны, пока те не слишком похожи на заместительницу матери. Дружба с женщинами и гомосексуальность могут быть тогда основанными на потребности найти хороший объект вместо избегаемого первичного объекта. Поэтому тот факт, что такие люди — и это приложимо к мужчинам так же, как и к женщинам — могут иметь хорошие объектные отношения, часто обманчив. Лежащая под этим зависть к первичному объекту отщеплена, но продолжает действовать и способна нарушить любые отношения.

В некоторых случаях я обнаружила, что фригидность разной степени была результатом нестабильной установки к пенису, основанной, в основном, на бегстве от первичного объекта.

Способность к полному оральному удовлетворению, имеющая корни в удовлетворительных отношениях с матерью, является основой переживания полного сексуального оргазма (Фрейд).

У мужчин зависть к материнской груди также является очень важным фактором. Если она сильна, и из-за этого нарушается оральное удовлетворение, ненависть и тревоги переносятся на влагалище. Если в норме генитальное развитие позволяет мальчику сохранить свою мать как объект любви, грубое нарушение оральных отношений открывает дорогу для серьезных нарушений генитальной установки на женщин. Последствия нарушенных отношений сначала к груди, а затем к влагалищу многообразны: это нарушение генитальной потенции, компульсивная потребность в генитальном удовлетворении, промискуитет и гомосексуальность.

Получается, что одним из источников вины за гомосексуальность у мужчины является чувство, что он с ненавистью отвернулся от матери и предал ее, заключив союз с пенисом отца и отцом. Как на Эдиповой стадии, так и в последующей жизни этот элемент предательства любимой женщины может отражаться в нарушении способности к дружеским отношениям с мужчинами, даже если они не имеют явной гомосексуальной природы. С другой стороны, я наблюдала, что вина по отношению к любимой женщине и тревога, присущая этому отношению, часто подкрепляют собой бегство от нее и возрастание гомосексуальных тенденций.

Чрезмерная зависть к груди имеет тенденцию распространяться на все женские атрибуты, в частности на деторождение. Если развитие успешно, у мужчины развиваются компенсации этого неисполнимого женственного желания, выражающиеся в хороших отношениях с женой или возлюбленной и в отцовском отношении к детям, которых она ему рождает. Это отношение открывает такие переживания как идентификация со своим ребенком, которая во многом затушевывает ранние зависть и фрустрации; кроме того, то чувство, что он создал ребенка, также противодействует ранней детской зависти мужчины к материнской женственности.

Как у мужчин, так и у женщин зависть играет роль в желании избавиться от атрибутов противоположного пола и обладать соответствующими атрибутами своего пола или украсть их у родителей. Из этого следует, что параноидные ревность и соперничество в прямой и инвертированной Эдиповых ситуациях у обоих полов, как ни расходятся затем между собой их развитие, основаны на чрезмерной зависти к первичному объекту — к матери или, скорее, к ее груди.

III

«Хорошая» грудь, которая питает и кладет начало любовным отношениям с матерью, представляет собой инстинкт жизни³³ и ощущается также как первое проявление творческого начала. В этих базовых отношениях младенец получает не только удовлетворение, которого желает, но и чувство, что он продолжает жить, поскольку голод, который вызывает страх истощения, а возможно, — любая физическая и психическая боль — ощущается как угроза смерти. Если человеку удастся сохранить идентификацию с хорошим и дающим жизнь интернализированным объектом, это становится побудительным стимулом к творчеству. Хотя это

может поверхностно проявиться как жажда престижа, богатства и власти, которые есть у других,³⁴ ее действительная цель — это творчество. Способность давать и сохранять жизнь ощущается как величайший дар, поэтому творческая способность вызывает наибольшую зависть. Похищение творческих способностей, подразумеваемое при зависти, проиллюстрировано в «Потерянном рае» Мильтопа,³⁵ где Сатана, завидуя Богу, решает захватить Небеса. Он идет на Бога войной в попытке испортить небесную жизнь и падает с Небес. Падший, он сам и другие его падшие ангелы строят Преисподнюю, соперничая с Небесами, и становятся деструктивной силой, которая стремится разрушить то, что создает Бог.³⁶ Эта богословская идея, кажется, исходит от Св. Августина, который описывал Жизнь как творческую силу, и оппозиции к Зависти, разрушительной силе.

В связи с этим в Первом послании к Коринфянам говорится: «Любовь не завидует».

Мой психоаналитический опыт показал мне, что зависть к творческой способности — это главный элемент, разрушающий творческий процесс. Порча и разрушение первоначального источника добра скоро ведут к разрушению и нападению на детей, которых содержит в себе мать, что ведет к превращению хорошего объекта во враждебный, критический и завистливый. Фигура Супер-Эго, на которую проецируется сильная зависть, становится особенно преследующей и препятствует процессам мышления и любой продуктивной деятельности и, в конце концов, творчеству.

Завистливое и деструктивное отношение к груди является подоплекой деструктивного принципа, который часто описывается как «едкий» и «злостный». Именно творческая способность становится объектом таких атак. Так, Спенсер в «Волшебной королеве» описывает зависть, как прожорливого волка:

Он ненавидел хорошие дела и добрые поступки.

* * *

И как метко говорят стихи знаменитых Поэтов,

Он клеветает в спину и изрыгает яд з⁷

Из прокаженного рта на всё, когда-либо написанное.

Конструктивная критика имеет другие источники; она нацелена на помощь другому человеку и продолжение его работы. Иногда она исходит из сильной идентификации с человеком, чья работа обсуждается. Материнские и отцовские отношения также вносят в нее свой вклад, и часто уверенность в собственных творческих способностях противостоит зависти.

Особой причиной зависти может быть ее относительное отсутствие у окружающих. Тот, кому завидуют, как это чувствует завистник, обладает тем, что в глубине души наиболее ценно и желанно — хорошим объектом, подразумевающим наличие хорошего характера и психического здоровья. Более того, человек, который может без зависти наслаждаться творческой работой и счастьем других людей, свободен от мук зависти, обид и преследования. Поскольку зависть — это источник большого несчастья, относительная свобода от нее, видимо, является подоплекой благополучных и мирных состояний души и, в конце концов, психического здоровья. Это также, на самом деле, основа внутренних ресурсов и

жизнерадостности, которые мы видим у людей, способных даже после больших несчастий и душевной боли восстанавливать душевный покой. Это отношение, которое включает благодарность за удовольствие в прошлом и наслаждение тем, что может дать настоящее, и проявляет себя в проясненноеTM (безмятежности, просветленности). Пожилым это позволяет примириться со знанием, что молодость не вернется, и получать удовольствие и испытывать интерес к жизни молодых. Хорошо известный факт, что родители заново проживают свои жизни в детях и внуках — если это не является проявлением чрезмерного собственни-чества и искаженных амбиций, — иллюстрирует то, что я хочу сказать. Те, кто чувствуют, что они получили свою часть опыта и удовольствий жизни, гораздо более склонны верить в продолжение жизни.³⁸ Такая способность к смирению и уходу без чрезмерной горечи при сохранении живой способности радоваться берет свои корни в младенчестве и зависит от того, насколько ребенок был способен получать удовольствие от груди без чрезмерной зависти к матери за обладание ею. Я полагаю, что счастье, пережитое в младенчестве, и любовь к хорошему объекту, обогащающая личность, являются подоплекой способности к удовольствиям и сублимации и позволяют чувствовать их по-прежнему и в старости. Если Гёте сказал: «Тот счастливейший среди людей, кто может прожить окончание своей жизни в тесном согласии с началом», — то я могла бы истолковать «начало» как ранние счастливые отношения с матерью, которые на протяжении жизни смягчают ненависть и тревогу и дают пожилому человеку поддержку и довольство. Младенец, который прочно установил свой хороший объект, сможет найти компенсацию потерям и депривация во взрослой жизни. Завистливый человек ощущает все это как нечто совершенно ему недоступное, поскольку он никогда не чувствует себя удовлетворенным, и поэтому его зависть только усиливается.

Глава пятая

I

Сейчас я собираюсь проиллюстрировать некоторые из моих заключений клиническим материалом.³⁹ Мой первый пример взят из анализа женщины. Ее кормили грудью, но обстоятельства, тем не менее, были неблагоприятны, и она была убеждена, что ее младенчество и кормление были полностью неудовлетворительны. Ее обиды на прошлое сплетались с безнадежным взглядом на настоящее и будущее. Зависть к кормящей груди и последовавшие затруднения в объектных отношениях были хорошо проанализированы вплоть до того материала, на котором я хочу остановиться.

Пациентка позвонила и сказала, что не сможет прийти на сеанс из-за боли в плече. На следующий день она позвонила мне сказать, что она еще нездорова, но надеется прийти ко мне завтра. Когда на третий день она действительно пришла, она была полна жалоб. Служанка ухаживала за ней, по больше никто не проявил к ней интереса. Она рассказала мне, что был момент, когда ее боль внезапно усилилась вместе с ощущением сильного озноба. Она почувствовала жгучую потребность, чтобы кто-то вдруг пришел и накрыл ей плечо, чтобы оно согрелось, и сразу же ушел, сделав это. Тут ей пришло в голову, что это похоже на то, как она была ребенком и ей хотелось, чтобы за ней ухаживали, по никто не приходил.

Все это было характерно для отношений пациентки с людьми и пролиvalo свет на ее ранние отношения с грудью, на то, что она хотела, чтобы за нею присматривали, и, в то же время, отгоняла любой объект, который мог удовлетворить ее. Подозрение к полученному дару вместе с настоящей потребностью, чтобы о ней заботились, которая, в конце концов, означала ее желание быть накормленной, выражали ее амбивалентное отношение к груди. Я уже рассказывала о младенцах, которые в ответ на фрустрацию переставали в достаточной мере использовать то удовлетворение, которое кормление, даже отложенное, могло им принести. Я подозреваю, что хотя они и не оставляли своих желаний по отношению к удовлетворяющей груди, они уже не могли наслаждаться ею и потому отталкивали ее. Обсуждаемый случай иллюстрирует причину такого отношения: подозрение к дару, который она хотела получить, т. к. объект был уже испорчен завистью и ненавистью, и в то же время глубокое негодование из-за каждой фрустрации. Мы также должны помнить — и это приложимо и к другим взрослым, у которых выражена зависть, — что многие разочарования этой женщины, несомненно, частично обязаны ее собственной установке, также внесли вклад в ее чувство, что желанная забота не удовлетворит ее.

В течение этого сеанса пациентка рассказала сон: она в ресторане, сидит за столом, но никто не приходит ее обслужить. Она решает встать в очередь и достать себе что-нибудь поесть. Впереди нее женщина, которая берет два или три маленьких пирожных и отходит с ними. Пациентка тоже берет два или три маленьких пирожных. Из ее ассоциаций я выбираю следующее: женщина выглядит очень решительной, ее фигура напоминает мою. Возникает внезапное сомнение в названии пирожных (в действительности, пtiфуры — *petits fours*), которые, как она думает, были маленькие фру (*petits fru*), которые напомнили ей маленькую фрау (*petite frau*) и дальше фрау Кляйн. Суть моих интерпретаций заключалась в том, что ее обиды из-за пропущенных аналитических сеансов относились к неудовлетворительному кормлению и несчастью в младенчестве. Два пирожных из «двух или трех» заменяли груди, от которых она дважды была отлучена, пропустив аналитические сеансы. Их было «два или три», потому что она не была уверена, сможет ли она прийти на третий день. Тот факт, что женщина была «решительная» и что пациентка последовала ее примеру, беря пирожные, указывал как на ее идентификацию с аналитиком, так и на проекцию на нее своей собственной жадности. В контексте данной книги наиболее важен один аспект этого сна. Аналитик, которая ушла с двумя или тремя пtiфурами, заменяла не только груди, которые убрали, но и груди, которые собирались кормить сами себя. (Вместе с другим материалом «решительный» аналитик не только представлял грудь, но и человека, с качествами которого, как хорошими, так и плохими, пациентка идентифицировала себя).

К фрустрации пациентки добавилась зависть к груди. Эта зависть дала толчок жестокому негодованию, т. к. пациентка представила свою мать эгоистичной и подлой, любящей лишь себя, а не ребенка. В аналитической ситуации она подозревала меня в том, что я получаю удовольствие, в то время когда она отсутствует, или отдаю это время пациентам, которых ей предпочитаю. Очередь, в которую решила встать пациентка, означала многих других более удачливых соперников.

Ответом пациентки на анализ сновидения было разительное изменение ее эмоционального

состояния. Пациентка стала переживать чувство счастья и благодарности более ярко, чем на предыдущих аналитических сеансах. У нее на глазах показались слезы, что было необычно для нее, и она сказала, что чувствует себя так, как будто бы ее накормили и она получила от этого полное удовольствие.⁴⁰ Ей также пришло в голову, что ее грудное вскармливание и младенчество, возможно, были лучше, чем она предполагала. Также она почувствовала больше веры в будущее и в результаты своего анализа. Пациентка полнее осознала одну из своих частей, которая была, несомненно, неизвестна ей в других ситуациях. Она осознала, что завидовала и ревновала к разным людям, но была неспособна осознать это в достаточной степени в отношениях с аналитиком, поскольку ей было очень больно почувствовать, что она завидует аналитику и портит ее, так же, как и возможный успех анализа. На этом сеансе, после упомянутых мной интерпретаций, ее зависть уменьшилась, способность к удовольствию и благодарности стала возрастать, и она стала способна воспринимать аналитическую ситуацию как счастливое кормление. Эта эмоциональная ситуация была проработана нами снова и снова как в позитивном, так и в негативном переносе, пока не был достигнут более стабильный результат.

Это произошло благодаря тому, что я помогла ей постепенно собрать вместе отщепленные части себя в отношениях с аналитиком, и благодаря ее осознанию того, насколько завистливой и, следовательно, подозрительной она была ко мне и, в первую очередь, к своей матери. Все это привело к появлению переживания счастливого кормления. Оно было сплетено с чувством благодарности. В течение анализа зависть уменьшилась, и чувство благодарности стало намного более частым и продолжительным.

II

Мой следующий пример взят из анализа пациентки с сильными депрессивными и шизоидными чертами. Она в течение длительного времени страдала от депрессивных состояний. Анализ продвигался и достиг некоторого успеха, хотя пациентка снова и снова выражала сомнение по поводу нашей работы. Я интерпретировала это как деструктивные импульсы, направленные против анализа, родителей и сиблингов, и анализ привел ее к осознанию особых фантазий о деструктивных атаках на тело матери. Такие инсайты у нее обычно завершались депрессиями, однако не слишком сильными.

Удивительно, что в первой части лечения глубина и серьезность затруднений пациентки не были заметны. Социально она производила впечатление приятного человека, хотя и склонного к подавленности. Ее тенденции к репарации и готовность помочь друзьям были совершенно искренни. Однако, серьезность ее болезни стала все же в определенный момент заметна частично из-за предыдущей аналитической работы, частично из-за внешних обстоятельств. Она пережила несколько разочарований; но был и неожиданный успех в ее профессиональной карьере, который высветил то, что я анализировала уже несколько лет, а именно, ее интенсивное соперничество со мной и чувство, что она в своей области станет равной мне или даже превзойдет меня. Как она, так и я пришли к осознанию важности ее деструктивной зависти ко мне;

и всегда, когда мы достигали этого глубокого уровня, оказывалось, что какие бы деструктивные импульсы ни появлялись, они переживались как всемогущие и поэтому неудержимые и разрушающие до основания.

Перед этим я много анализировала ее орально-садистские желания, и благодаря этому мы также пришли к частичному осознанию ее деструктивных импульсов к матери и ко мне. В анализе мы также имели дело с уретральными и анально-садистскими желаниями, но в отношении них я не чувствовала, что мы сильно продвинулись, и видела, что понимание ею этих импульсов и фантазий имело в основном интеллектуальную природу. В один из периодов работы, который я хотела бы обсудить, уретральный материал появился с возросшей силой.

Вскоре у нее развилось чувство сильного ликования по поводу ее успеха, проявившееся во сне, который показывал ее триумф надо мной и спрятанную за этим разрушительную зависть ко мне, как замене ее матери. Во сне она летела по воздуху на волшебном ковре, который поддерживал ее, и была выше верхушек деревьев. Она находилась на достаточной высоте, чтобы заглянуть в окно комнаты, в которой была корова, жевавшая что-то, что казалось бесконечной полоской одеяла. В ту же ночь у нее был кусочек сна, в котором у нее были мокрые трусы.

Ассоциации к этому сну прояснили, что быть на верхушке дерева означает превзойти меня, т. к. корова обозначает меня, на которую она смотрела с презрением. Довольно рано в ее анализе у нее был сон, в котором я представляла апатичной, похожей на корову женщиной, тогда как она была маленькой девочкой, которая произнесла блестящую и успешную речь. Мои интерпретации, сделанные тогда — что она превратила аналитика в человека, достойного презрения, в то время как сама выступила так успешно, будучи при этом намного моложе, — были приняты лишь частично, несмотря на то, что она полностью осознавала, что маленькой девочкой была она сама, а женщиной коровой — аналитик. Этот сон постепенно привел ее к большему осознанию своих деструктивных и завистливых атак на меня и на свою мать. Поскольку еще прежде того корова-женщина, заменяющая меня, стала явно появляться в материале, то стало ясно, что в новом сне корова в комнате, в которую глядела пациентка, была аналитиком. Пациентка ассоциировала, что бесконечная полоса одеяла представляла бесконечный поток слов, и ей пришло в голову, что это все те слова, которые я когда-либо сказала ей во время анализа и которые я теперь должна проглотить. Полоска одеяла была саркастическим выпадом по поводу спутанности и бессмысленности моих интерпретаций. Здесь мы видим полное обесценивание первичного объекта, представленного коровой, а также обиду на мать, которая кормила ее неудовлетворительно. Наказание, накладываемое на меня — принуждение съесть все мои слова, проливает свет на глубокое недоверие и сомнение, которые снова и снова мучили ее в течение анализа. После моих интерпретаций стало вполне понятно, что аналитик, к которому плохо относятся, не заслуживает доверия, и что у нее не может быть веры в обесцененный анализ. Пациентка была удивлена и шокирована своим отношением ко мне, которое она в течение долгого времени отказывалась признать во всей его полноте.

Мокрые трусы во сне и ассоциации на них выражали (среди прочего) ядовитые уретральные атаки на аналитика, которые должны разрушить ее психические силы и

превратить ее в женщину-корову. Очень скоро у нее появился еще один сон, иллюстрирующий этот особенный момент. Она стояла у подножия лестницы, смотря вверх на молодую пару, с которой что-то было не в порядке. Она бросила им клубок шерсти, который она сама определила как «доброе волшебство», и ее ассоциации показали, что злое колдовство, а именно отравление, вызвало необходимость использовать впоследствии доброе волшебство. Ассоциация с парой позволила мне интерпретировать глубоко отрицаемую ситуацию ревности в настоящем и привела нас от настоящего к раннему опыту и, в конце концов, к родителям. Деструктивные и завистливые чувства к аналитику, а в прошлом к матери, оказались подоплекой ревности и зависти к паре в сновидении. Тот факт, что этот легкий клубок никогда не достигал этой пары, подразумевал, что ее репарация не достигала успеха; и тревога по поводу этой неудачи была важным элементом в ее депрессии.

Это только выдержка из материала, который убедительно доказал пациентке ее ядовитую зависть к аналитику и своему первичному объекту. Она впала в депрессию такой глубины, какой у нее никогда прежде не было. Главной причиной этой депрессии, последовавшей за ликованием, было то, что она осознала полностью отщепленную от нее часть себя, которую она не могла признать. Как я сказала ранее, было очень трудно помочь ей осознать свою ненависть и агрессивность. Но когда мы подошли к этому особому источнику деструктивное™, к ее зависти как движущей силе повреждения и уничтожения аналитика, которого она другой частью своей души высоко ценила, она не вынесла того, что увидела себя в таком свете. Она не казалась особенно хвастливой или самонадеянной, но с помощью множества процессов расщепления и маниакальных защит она держалась за идеализированный образ себя. Как следствие этого осознания, которое на этой стадии анализа она не могла больше отрицать, она почувствовала себя недостойной и плохой, идеализация рухнула, и недоверие к себе и вина за невозполнимый вред, который она нанесла в прошлом и в настоящем, вышли наружу. Ее вина и депрессия сфокусировались на ее чувстве неблагодарности к аналитику, которая, как она знала, помогла и продолжает помогать ей, и к которой она чувствовала презрение и ненависть. В конце концов, так выражалась ее неблагодарность матери, которую она бессознательно считала испорченной и поврежденной своей завистью и деструктивными импульсами.

Анализ ее депрессии привел к улучшению, которое через несколько месяцев сменилось новой глубокой депрессией. Она была вызвана более глубоким осознанием пациенткой ее яростных анально-садистских атак на аналитика, а в прошлом на свою семью, и подтверждало ее чувство собственной болезненности и ненормальности. Это был первый случай, когда она смогла увидеть, какие сильные уретрально и анально-садистские черты были от нее отщеплены. Каждая из них включала в себя важные части личности пациентки и ее интересов. Шаги к интеграции, которые были сделаны после анализа депрессии и подразумевали возвращение этих потерянных частей и необходимость встретиться с ними, стали причиной ее новой депрессии.

III

Следующий пример — это пациентка, которую я бы описала как вполне нормальную. Она

с течением времени стала все больше осознавать зависть, переживаемую как к своей старшей сестре, так и к матери. Зависть к сестре уравнивалась чувством сильного интеллектуального превосходства, которое было действительно обоснованно, и бессознательным чувством, что сестра очень сильно невротична. Зависть к матери уравнивалась очень сильными чувствами любви и признательности за ее доброту. ^

Пациентка сообщила о сне, в котором она была в вагоне поезда с женщиной, у которой она могла видеть только спину, которая наклонилась к дверям купе так, что вот-вот могла выпасть. Пациентка крепко схватила ее, держа одной рукой за пояс; другой рукой она написала записку — объявление, что доктор занимается в этом купе с пациенткой и просит их не беспокоить, и повесила эту записку на окно.

Из ассоциаций ко сну я выбрала следующее: у пациентки есть сильное чувство, что фигура, которую она схватила мертвой хваткой, была ее собственной частью, частью безумной. Во сне у нее было убеждение, что она не должна позволить ей вывалиться через дверь, но должна удержать ее в купе и поладить с ней. Анализ сна обнаружил, что купе заменяло ее саму. Ассоциации к волосам, которые только и были видны сзади, навели на старшую сестру. Следующие ассоциации привели к признанию соперничества и зависти по отношению к ней, возвращая к тому времени, когда пациентка была еще ребенком, а за ее сестрой уже ухаживали мужчины. Затем она заговорила о платье, которое носила ее мать, и которым, будучи ребенком, пациентка восхищалась и которого жаждала. Это платье очень четко подчеркивало очертание груди, и поэтому для нее стало гораздо более очевидным, чем раньше, хотя и не совершенно новым, что то, чему она первоначально завидовала и что портила в своих фантазиях, были материнские груди.

Это осознание увеличило ее чувства вины как перед сестрой, так и перед матерью и привело к дальнейшему пересмотру ее ранних отношений. Она пришла к более сочувственному пониманию недостатков своей сестры и ощутила, что не любила ее в достаточной мере. Она также обнаружила, что она любила ее в раннем детстве больше, чем помнила до этого.

Я проинтерпретировала, что пациентка почувствовала, что она должна крепко держать безумную отщепенную часть себя, которая была также связана с интернализацией невротической сестры. Следуя интерпретации сна, пациентка, у которой были причины относиться к себе, как к вполне нормальной, испытала чувства сильного изумления и шока. Этот случай иллюстрирует вывод, который становится все более привычным, а именно, что остатки параноидных и шизоидных чувств и механизмов, часто отщепенные от остальных частей Я, существуют даже у нормальных людей.⁴¹

Чувство пациентки, что она должна крепко держать эту фигуру, подразумевало, 'что ей следовало также больше помогать сестре, предотвращая ее падение; и это чувство было сейчас пережито вновь в связи с ней как с интернализированным объектом. Тот факт, что ее сестра также представляла безумную часть ее самой, оказался частичной проекцией ее собственных импульсов и параноидных чувств на сестру. Именно вместе с этим осознанием уменьшилось расщепление ее Эго.

IV

Сейчас я хочу обратиться к пациенту-мужчине и рассказать сон, который имел сильное воздействие на то, чтобы заставить его признать не только деструктивные импульсы к аналитику и матери, но и зависть как очень специфический фактор в своем отношении к ним. До этого с сильными чувствами вины он уже осознал до определенной степени свои деструктивные импульсы, но пока еще не осознавал завистливые и враждебные чувства, направленные против творческих способностей аналитика и своей матери в прошлом. Однако он осознавал, что испытывает зависть к другим людям и что, помимо хороших отношений с отцом, у него также были чувства соперничества и ревности. Этот сон принес ему гораздо большее понимание своей зависти к аналитику и пролил свет на его ранние желания обладать всеми женственными атрибутами матери.

Во сне пациент рыбачил; он не знал, следует ли ему убить рыбу, которую он поймал, чтобы съесть ее, однако он решил положить ее в корзинку, пока она не умрет. Корзинка, в которой он нес рыбу, была женской корзинкой для белья. Рыба внезапно превратилась в красивого младенца, причем в одежде ребенка было что-то зеленое. Затем он заметил — и в этот момент почувствовал себя очень озабоченным, — что у младенца торчат кишки, т. к. они были повреждены крючком, который тот проглотил, будучи рыбой. Ассоциация на зеленое оказалась обложкой книг «Международной психоаналитической библиотеки», и пациент заметил, что рыба в корзине заменяла одну из моих книг, которую он, очевидно, перед этим украл. Последующие ассоциации однако, показали, что книга была не только моей работой и моим ребенком, но замещала и меня саму. То, что я проглотила крючок, т. е. наживку, выражало его чувства, что я думаю о нем лучше, чем он того заслуживает, и не осознаю, что в его отношениях ко мне проявляются также и очень деструктивные его части. Хотя пациент пока еще не мог полностью признать, что То, как он относится к рыбе, младенцу и ко мне, означает разрушение меня и моей работы из зависти, бессознательно он понимал это. Я также проинтерпретировала, что корзина для белья в этой ситуации выражает его желание быть женщиной, иметь детей и лишиться их свою мать. Результатом этого шага по интеграции был сильный приступ депрессии, вызванный его встречей с агрессивным компонентом своей личности. Хотя предвестники этого и раньше появлялись в его анализе, в тот момент он пережил это как шок и ужас от самого себя.

На следующую ночь пациенту приснилась щука, с которой у него ассоциировались киты и акулы, но во сне он не чувствовал, что щука — опасна. Она была старой, выглядела усталой и измученной. Там еще был китенок, и пациент вдруг предположил, что китенок не сосет щуку или кита, но сосет свою шкуру, и это защищает его от нападения других рыб. Пациент осознал, что это объяснение было защитой от чувства, что он сам был китенком, а я была старой и измученной щукой, потому что он так плохо отнесся ко мне во вчерашнем сне и чувствовал, что высосал меня дочиста. Это превратило меня не только в поврежденный, но и в опасный объект. Другими словами, персекуторные и депрессивные тревоги вышли на поверхность; щука, ассоциировавшаяся с китами и акулами, выражала персекуторные аспекты, в то время

как ее старое и измученное обличье выражало чувство вины пациента из-за вреда, который он нанес и продолжал наносить мне.

Сильная депрессия, которая последовала за этим инсайтом, продолжалась несколько недель более или менее непрерывно, но не мешала работе или семейной жизни пациента. Он описывал эту депрессию, как отличающуюся от того, что он испытывал раньше, и как намного более глубокую. Импульс к репарации, выражавшийся в физической и душевной работе, усилился благодаря депрессии и проложил дорогу к ее преодолению. Результаты этой фазы анализа были очень заметны. И в тот момент, когда депрессия после проработки исчезла, пациент был убежден, что он никогда не будет смотреть на себя прежними глазами, и этот новый взгляд больше не подразумевал чувства уныния, а означал большее знание себя и большую терпимость к другим. Анализ достиг того, что был сделан важный шаг в интеграции, связанный с тем, что пациент смог взглянуть в лицо своей психической реальности. В ходе его анализа, однако, были моменты, когда он не мог сохранять эту установку, поскольку очевидно, что проработка — это постепенный процесс.

Хотя его наблюдения и суждения о людях и раньше были вполне нормальны, в результате этой фазы лечения возникло заметное улучшение. Следующим последствием было то, что воспоминания детства и отношения с сиблингами с силой поднялись на поверхность и повели его назад, к ранним отношениям с матерью. Во время состояния депрессии, на которое я ссылаюсь, ему удалось вернуть во многом утраченное удовольствие от анализа и интерес к нему; он полностью восстановил их, когда депрессия прошла. Вскоре он принес сон, который, как он сам считал, говорит об умалении аналитика, но который при анализе превратился в выражение сильного обесценивания. Во сне он имел дело с мальчиком-правонарушителем, но не был доволен тем, как себя вел. Отец мальчика предложил довезти пациента на машине, куда тому нужно. А он стал замечать, что его увозят все дальше и дальше от того места, куда он хотел попасть. Через некоторое время он поблагодарил отца и вышел из машины; но он не заблудился, потому что сохранил, как обычно, чувство общего направления. Проходя, он глядел на довольно необычное здание, которое, как он думал, подходило для выставки, но не для жилья. Его ассоциации связали это с одним из аспектов моей внешности. Затем он сказал, что у здания были два крыла, и он вспомнил выражение «брать кого-то под крыло». Он понял, что мальчик-правонарушитель, к которому он проявил интерес, был он сам, и продолжение сна показывало, почему он был правонарушителем:

когда отец, представлявший аналитика, увозил его все дальше и дальше от места назначения, это выражало сомнения, которые он использовал для обесценивания меня: он спрашивал, везу ли я его в правильном направлении, нужно ли заходить так глубоко, и не нанесу ли я ему вреда. Когда он сослался на свое чувство направления и на то, что он не чувствует себя заблудившимся, это подразумевало нечто, противоположное обвинению против отца мальчика (аналитика): он знал, что анализ очень ценен для него, и что это его зависть ко мне привела к возникновению сомнений.

Он также понял, что интересное здание, в котором он не хотел бы жить, представляло аналитика. С другой стороны, он чувствовал, что, анализируя его, я беру его к себе под крыло и защищаю от его конфликтов и тревог. Сомнения и обвинения в мой адрес во сне

использовались как обесценивание и относились не только к зависти, но и к его отчаянию из-за зависти и его чувству вины из-за своей неблагодарности.

Была еще одна интерпретация этого сна, которая также подтвердилась последующими и которая была основана на том факте, что в аналитической ситуации я часто заменяла отца, затем, быстро превращаясь в мать, временами представляла обоих родителей одновременно. Эта интерпретация была обвинением отца за то, что он вел в неправильном направлении, и была связана с его ранним гомосексуальными влечением к отцу. Это влечение оказалось, по данным анализа, связанным с интенсивными чувствами вины, поскольку я смогла показать пациенту, что сильная отщепленная зависть и ненависть к матери и ее груди внесла вклад в его обращении к отцу, и что его гомосексуальные желания были враждебным союзом против матери. Обвинение, что отец вел его в ложном направлении, связалось с общим чувством, которое мы так часто обнаруживаем у пациентов, что он был соблазнен к гомосексуальности. Здесь мы видим проекции собственных желаний пациента на своего родителя.

Анализ его чувства вины имел различные результаты: он стал испытывать большую любовь к своим родителям, он также понял — и эти два факта тесно связаны, — что есть компульсивный элемент в его потребности репарации. Чрезмерная идентификация с поврежденным в фантазии объектом — первоначально матерью — нарушила его способность к полному наслаждению и поэтому до определенной степени обеднила его жизнь. Стало ясно, что даже в своих ранних отношениях с матерью, хотя не было оснований сомневаться, что он был счастлив в ситуации сосания, он не мог полностью наслаждаться ею из-за своего страха истощить грудь или лишиться ее. С другой стороны, препятствие наслаждению стало причиной обид и возросшего чувства преследования. Это пример того процесса, который я описала в предыдущем разделе, посредством которого на ранних стадиях развития вина — и в особенности вина из-за деструктивной зависти к матери и аналитику — может заменяться на преследование. Через анализ первичной вины и соответствующее уменьшение депрессивной и персекуторной тревог, его способности к наслаждению и благодарности значительно выросли.

V

Сейчас я хотела бы упомянуть случай другого пациента, у которого тенденция к депрессии также сопровождалась компульсивной потребностью в возмещении вреда; его амбиции, соперничество и зависть, сосуществуя со многими хорошими чертами характера, постепенно анализировались. Однако потребовалось несколько лет⁴², пока зависть к груди, ее творческой силе и желание испортить их, которое было значительно отщеплено, были полностью пережиты пациентом. Перед этим в анализе у него был *сои*, который он описывал как «забавный»:

он курил трубку, которая была набита моими статьями, вырванными из одной из моих книг. Вначале он выразил большое удивление из-за этого, потому что «печатные страницы не курят». Я проинтерпретировала это как малозначительную особенность сна; главное же его значение в том, что он вырвал мои статьи и уничтожил их. Я также указала, что разрушение моих статей имело анально-садистскую природу, выразившуюся в выкуривании их. Он отрицал

эти агрессивные атаки, поскольку, наряду с сильными процессами расщепления, у него была большая склонность к отрицанию. Другим аспектом этого сна было то, что персекуторные чувства вошли в связь с анализом. Предыдущие интерпретации вызвали негодование и ощущалось как что-то, что нужно «положить в трубку и выкурить». Анализ сна помог пациенту осознать свои деструктивные импульсы к аналитику и то, что они были простимулированы ситуацией ревности, возникшей днем раньше; они вращались вокруг чувства, что кто-то другой более ценен мне, чем он. Но полученный инсайт не привел к пониманию его зависти к аналитику, хотя она ему и была проинтерпретирована. У меня, однако, не было сомнений, что это проложило путь материалу, в котором деструктивные импульсы и зависть постепенно становились все более и более ясными.

Кульминация возникла на поздней стадии анализа, когда все эти чувства в отношении аналитика вернулись к пациенту во всей их силе. Пациент рассказал сон, который он опять описал как «забавный»: он мчался с большой скоростью, как будто на автомобиле. Он стоял на полукруглом необычном устройстве, сделанном им из проволоки или из «атомного вещества». Как он сказал, «оно поддерживало мое движение». Внезапно он заметил, что устройство, на котором он стоит, разваливается на части, и это привело его в замешательство. Он проассоциировал на полукруглый предмет, что это грудь и эрекция пениса, подразумевающая свою потенцию. Его чувство вины из-за неправильного использования анализа и из-за деструктивных импульсов, адресованных мне, вторглось в этот сон. В своей депрессии он почувствовал, что меня нельзя защитить, и там было много материала, связанного с другими сходными тревогами, частично даже сознательными, что он не был способен защитить свою мать, когда его отец отсутствовал во время войны и после этого. Его чувство вины по отношению к матери и ко мне к тому времени было во многом проанализировано. Но незадолго перед этим он подошел как раз к тому, что именно его зависть была разрушительной для меня. Его чувства вины и несчастье были еще сильнее, потому что одной частью своей души он был благодарен аналитику. Фраза «оно поддерживало мое движение» показывала, как важен был для него анализ, что он был предварительным условием его потентности в широком смысле слова, т. е. условием успеха всех его желаний.

Осознание им зависти и ненависти ко мне пришло, как шок, и имело следствием сильную депрессию и чувство никчемности. Я считаю, что шок такого рода, о котором я сейчас рассказываю в нескольких случаях, является результатом важного шага в исцелении расщепления между частями Я и, таким образом, стадией в продвижении к интеграции Эго.

Более полное осознание им своих амбиций и зависти пришло к нему на сеансе, последовавшем за вторым сном. Он говорил, что знает свои пределы и, как он выразился, не ожидает, что покроет себя и свою профессию славой. В этот момент, все еще под влиянием сна, он понял, что то, как он это сказал, показывает силу его амбиций и завистливое сравнение себя со мной. После первоначального удивления это осознание стало для него полностью убедительным.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Я много раз отмечала, что главным звеном моей техники является подход к тревоге. Для меня очевидно, что уже с самого рождения тревоги возникают вместе с защитами против них. Как я указывала в предыдущем разделе, первая и наиболее важная функция Эго — это справляться с тревогами. Я даже думаю, что, вероятно, первоначальная тревога, вызванная угрозой внутреннего инстинкта смерти, может быть причиной того, почему Эго начинает действовать с самого рождения. Эго постоянно защищает себя от боли и напряжения, которые вызывает тревога, и поэтому начинает использовать защиты с самого начала постнатальной жизни. В течение многих лет я придерживалась взгляда, что большая или меньшая способность Эго выдерживать тревогу является конституциональным фактором, который сильно влияет на развитие защит. Если способность Эго к овладению тревогой недостаточна, Эго может регрессивно вернуться к более ранним защитами или будет вынуждено к чрезмерному использованию защит соответствующей стадии. В результате персекуторная тревога и способы овладения ею могут быть так сильны, что проработка депрессивной позиции будет впоследствии нарушена. В некоторых случаях, особенно психотического типа, мы с самого начала встречаемся с защитами такой явно непроницаемой природы, что иногда кажется невозможным их проанализировать.

Сейчас я перечислю некоторые из защит против зависти, с которыми обычно встречалась в ходе своей работы. Некоторые из наиболее ранних защит, много раз описанные раньше, такие как всемогущество, отрицание, расщепление, подкрепляются завистью. В одной из первых глав я предположила, что идеализация служит защитой не только против преследования, но и против зависти. У младенцев, если нормальное расщепление между хорошим и плохим объектом не было с самого начала достигнуто, эта неудача, связанная с чрезмерной завистью, часто приводит к расщеплению между всемогуще идеализированным и очень плохим первичными объектами. Превознесение объекта и его даров — это попытка уменьшить зависть. Однако если зависть очень сильна, то она, вероятно, рано или поздно обернется против первичного идеализированного объекта и против других людей, которые в процессе развития замещали этот объект.

Как и предполагалось мной ранее, если не происходит фундаментального нормального расщепления любви и ненависти, хорошего и плохого объектов, то между ними возникает путаница.⁴³ Я считаю это основой любой путаницы (спутанности) у человека: как при тяжелых состояниях спутанности, так и в ее мягких формах, таких как нерешительность,— всегда проявляются трудности делать выводы и нарушается способность к ясному мышлению. Но спутанность также используется как защита: это можно видеть на всех уровнях развития. Спутанность по поводу того, является ли данный заместитель первичной фигуры хорошим или плохим, создает некий противовес преследованию и вине по поводу порчи первичного объекта и нападения на него посредством зависти. Борьба с завистью приобретает другой характер, если вместе с депрессивной позицией существует чувство вины. Даже у людей, у которых зависть не чрезмерна, их заинтересованность объектом, идентификация с ним, страх его потери

и повреждения его творческих способностей являются важным фактором, определяющим трудность проработки депрессивной позиции.

Бегство от матери к другим людям, которыми восхищаются и которых идеализируют, чтобы избежать враждебных чувств к наиболее важному, вызывающему зависть (и потому ненависть) объекту — груди, становится также способом сохранения груди, что означает сохранение матери.⁴⁴ Я много раз указывала, что наиболее важное значение имеет способ, которым осуществляется переход от первого объекта ко второму — отцу. Если зависть и ненависть преобладают, эти эмоции до определенной степени переносятся на отца или сиблингов и позже на других людей, и вследствие этого механизм бегства терпит неудачу.

С уходом от первичного объекта может быть связано распыление направленных на него чувств, что на последующих стадиях развития может вести к промискуитету. Расширение объектных отношений в младенчестве — это нормальный процесс. В той мере, в какой отношение с новым объектом становится частичной заменой любви к матери, а не преобладанием бегства от ненависти к ней, новый объект помогает, становясь компенсацией неизбежного чувства потери уникального первого объекта — потери, исходящей из депрессивной позиции. Любовь и благодарность тогда в той или иной мере сохраняются в новых отношениях и одновременно, в той или иной степени, отделяются от чувств к матери. Однако если распыление эмоций преимущественно используется как защита против зависти и ненависти, то такие защиты не становятся основой стабильных объектных отношений, т.к. они находятся под влиянием остающейся враждебности к первому объекту.

Защита от зависти часто приобретает форму обесценивания объекта. Как я предположила, порча и обесценивание присущи зависти. Обесцененному объекту можно больше не завидовать. Это приложимо и к идеализируемому объекту, который обесценивают и потому больше не идеализируют. То, как быстро рушится эта идеализация, зависит от силы зависти. Но обесценивание и неблагодарность присущи каждому уровню развития как защиты от зависти и у некоторых людей являются характерными для их объектных отношений. Я имею в виду тех пациентов, которые в ситуации переноса после интерпретации, которая несомненно помогла им, критикуют ее до тех пор, пока от нее не останется ничего хорошего. Например, пациент, который во время предыдущего сеанса пришел к успешному решению внешней проблемы, начинает следующий сеанс с заявления, что я очень досаждаю ему, т. к. накануне вызвала у него слишком сильную тревогу, заставив рассмотреть эту проблему. Оказывается также, что он тогда чувствовал, будто я обвиняю и обесцениваю его тем, что он не может принять решения до тех пор, пока проблема не проанализирована нами. Только после некоторого размышления пациент смог признать, что анализ действительно оказал ему помощь.

Защита, присущая более депрессивным типам — это *обесценивание себя*. Некоторые люди могут быть неспособны к развитию своих талантов и их успешному использованию. В других случаях это отношение возникает только в определенных ситуациях, когда есть опасность соперничества со значимой фигурой. Обесценивая свои таланты, они одновременно отрицают зависть и наказывают себя за нее. В анализе можно увидеть, однако, что обесценивание себя вновь пробуждает зависть к аналитику, которому приписывается превосходство, особенно потому, что пациент обесценил себя. Лишение себя успеха имеет, конечно, много детерминант,

что справедливо и по отношению к другим установкам, на которые я ссылаюсь.⁴⁵ Но я обнаружила, что одними из наиболее глубоких корней этой защиты являются переживания вины и несчастья из-за неспособности сохранить хороший объект, которые связаны с завистью. Люди, у которых хороший объект установлен недостаточно устойчиво, тревожатся, как бы не испортить или не потерять его из-за конкурентных и завистливых чувств, и потому избегают успеха и соперничества.

Другая защита против зависти тесно связана с жадностью. *Импернализуя грудь с такой жадностью*, что в его душе она становится его исключительной собственностью и контролируется им, младенец чувствует, что все хорошее, что он приписывает ей, будет принадлежать ему. Он использует это для противодействия зависти. Но сама жадность, с которой он осуществляет эту интернализацию, содержит в себе вирус неудачи. Как я говорила раньше, хороший объект, который прочно установлен и поэтому ассимилирован, не только любит субъекта, но и любим им. Это, как я считаю, является характерным в отношениях с хорошим объектом, но не приложимо или приложимо в меньшей степени к отношениям с идеализированным объектом. Из-за властного и насильного собственничества хороший объект, как это ощущает сам человек, превращается в разрушенного преследователя, и последствия зависти не могут быть предотвращены в достаточной мере. Напротив, если человек терпимо относится к своему любимому, то он проецирует это на других, которые поэтому становятся дружественными фигурами.

Частым способом защиты является пробуждение зависти в других людях с помощью своих собственных успехов, удач или того, чем человек обладает, что приводит к оборачиванию ситуации зависти. Неэффективность этого метода связана с тем, что он дает толчок персекуторной тревоге. Завистливые люди, в частности завистливый внутренний объект, являются, кажется, наихудшими преследователями. Другой причиной непрочности этой защиты является ее связь с депрессивной позицией. Желание заставить других людей, особенно любимых, завидовать и переживание триумфа над ними порождают вину и страх за их повреждение. Пробудившаяся тревога нарушает удовольствие обладания собственностью и вновь увеличивает зависть.

Есть и другая нередкая защита — *удушение чувств любви и интенсификация ненависти*, — поскольку это менее болезненно, чем выносить вину, порождаемую сочетанием любви, ненависти и зависти. Все это может не выражать себя как ненависть, а принимать вид безразличия. К этому примыкает защита, заключающаяся в уклонении от контактов с людьми. Потребность в независимости, которая, как нам известно, является нормальным явлением развития, может подкрепляться, чтобы избежать благодарности или вины из-за неблагодарности и зависти. В анализе мы обнаруживаем, что бессознательно эта независимость полностью фальшива: индивид остается зависимым от своего внутреннего объекта.

Герберт Розенфельд⁴⁶ описал особый метод работы в ситуации, когда отщепленные части личности, включая особенно завистливые и деструктивные, сводятся вместе, и пациент с аналитиком предпринимают шаги по их интеграции. Он показал, что действие вовне, в той мере, в какой оно используется для избегания интеграции, становится защитой от тревог, вызванных принятием завистливой части себя.

Я, конечно же, описала не все защиты от зависти, поскольку их количество бесконечно. Они тесно взаимосвязаны с защитами от деструктивных импульсов и персекуторной и депрессивной тревог. То, насколько они успешны, зависит от многих внешних и внутренних факторов. Как уже было упомянуто, если зависть сильна и поэтому склонна проявляться во всех объектных отношениях, защиты от нее, видимо, ненадежны; в то время как защиты, направленные против деструктивных импульсов, в которых зависть не преобладает, оказываются более эффективными, хотя они и могут накладывать на личность запреты и ограничения.

Когда шизоидные и параноидные черты преобладают, защиты от зависти не могут быть успешны, поскольку атаки человека на предмет зависти ведут только к усилению чувства преследуемое™, и он может справиться с ними только посредством новых атак, т. е. путем усиления деструктивных импульсов. Таким образом, устанавливается порочный круг, разрушающий способность противостоять зависти. Особенно это относится к случаям - шизофрении и до некоторой степени объясняет трудности при их лечении.⁴⁷

Исход является более благоприятным, если существуют хотя бы частичные отношения с хорошим объектом, поскольку это также означает, что депрессивная позиция частично проработана. Переживание депрессии и вины подразумевает желание уберечь любимый объект и ограничить зависть.

Те защиты, которые я перечислила, а также многие другие образуют часть негативной терапевтической реакции, потому что они являются мощным препятствием для способности взять то, что дает аналитик. Я уже ссылалась на некоторые формы зависти к аналитику. Когда пациент способен испытывать благодарность — а это значит, что в эти моменты он менее завистлив, — он намного более способен получить выгоду от анализа и объединить те достижения, которых он уже добился. Другими словами, чем больше депрессивные черты доминируют над шизоидными и параноидными чертами, тем благоприятнее перспективы излечения.

Стремление возместить вред и потребность помочь объекту зависти — это очень важные средства противодействия зависти. В конечном счете это означает противодействие деструктивным импульсам путем оживления чувства любви.

II

Поскольку я несколько раз упоминала о спутанности, было бы полезно перечислить некоторые из важнейших состояний спутанности в порядке их возникновения на различных стадиях развития и в различных ситуациях. Я часто указывала⁴⁸, что с начала постнатальной жизни начинают действовать уретральные и анальные (и даже генитальные) либидинальные и агрессивные желания — хотя и при доминировании оральных — и что в течение нескольких месяцев отношения с частичными объектами перекрываются с отношениями с целыми людьми.

Я уже обсуждала те факторы — в частности сильные параноидно-шизоидные черты и чрезмерную зависть, — которые с самого начала смазывают различие и нарушают успешное

расщепление между хорошей и плохой грудью; это подкрепляет спутанность младенца. Я считаю очень существенным прослеживание в анализе всех состояний спутанности у пациента, даже наиболее серьезных состояний при шизофрении, вплоть до этой ранней неспособности различать хороший и плохой первичные объекты; хотя защитное использование спутанности против зависти и деструктивных импульсов тоже должно приниматься нами в расчет.

Попробую перечислить несколько возможных последствий этого раннего нарушения: преждевременное появление чувства вины, неспособность младенца переживать вину и преследование независимо Друг от друга и следующее из этого усиление персекуторной тревоги были уже отмечены мною выше; я также уже привлекала внимание к значению спутанности между родителями, являющейся результатом укрепления, благодаря зависти, комбинированной родительской фигуры. Я связываю преждевременное начало генитальности с бегством от оральности, ведущим к усилению спутанности между оральными, анальными и генитальными тенденциями и фантазиями.

Другими факторами, уже очень рано делающими вклад в спутанность и растерянное состояние души, являются проективная и интроективная идентификации, т. к. они могут приводить к временному размыванию способности разделять себя и объекты, внутренний и внешний мир. Такая спутанность препятствует осознанию психической реальности, которая способствует пониманию и реалистическому восприятию реальности внешней. Недоверие и страх перед приемом психической пищи ведут свое начало от недоверия к тому, что предлагала испорченная завистью грудь. Если с самого начала хорошая пища путается с плохой, позже это приводит к нарушению способности к ясному мышлению и установлению стандартов и ценностей.

Все эти нарушения, которые, с моей точки зрения, связаны также с защитой от тревоги вины и вызываются ненавистью и завистью, проявляются как трудности в обучении и в развитии интеллекта. Я не беру при этом в расчет различные другие факторы, вызывающие эти трудности.

Те состояния спутанности, которые я бегло перечислила и в возникновение которых вносит свой вклад интенсивный конфликт между деструктивными (ненависть) и интегрирующими (любовь) тенденциями, являются до определенной степени нормальными. По мере интеграции и успешной проработки депрессивной позиции, которая включает большее прояснение внутренней реальности, восприятие внешнего мира становится более реалистическим — это тот результат, который в норме достигается во второй половине первого года и в начале второго года жизни.⁴⁹ Эти изменения, в основном, связаны с ослаблением проективной идентификации, являющейся частью параноидно-шизоидных механизмов и тревог.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Сейчас я попробую дать краткое описание трудностей, характерных для прогресса в анализе. Требуется длительная и болезненная работа для того, чтобы пациент стал способен встретиться со своей завистью и ненавистью. Хотя чувства соперничества и зависти знакомы большинству людей, их наиболее глубокие и ранние проявления, переживаемые в ситуации переноса, очень болезненны, и поэтому пациенту очень трудно признать их. То сопротивление, которое мы находим как в мужских так и в женских случаях при анализе Эдиповой ревности или враждебности, хотя и бывает очень сильным, но не достигает той интенсивности, с которой мы сталкиваемся при анализе зависти и ненависти к груди. Помощь пациенту в прохождении через эти глубокие конфликты и страдания - это наиболее эффективное средство повышения его стабильности и интеграции, поскольку она позволяет ему с помощью переноса более прочно установить свой хороший объект, укрепить любовь к нему и приобрести уверенность в себе.

Нет нужды говорить, что анализ этих самых ранних отношений включает в себя исследование и более поздних и позволяет аналитику более полно понять взрослую личность пациента.

В ходе анализа мы должны быть готовы встретиться с колебаниями между улучшениями и откатами назад. Это может проявляться по-разному. Например, пациент испытывает благодарность и высоко оценивает мастерство аналитика. Это мастерство, предмет восхищения, скоро становится поводом к зависти; зависть может уравновешиваться гордостью за обладание хорошим аналитиком. Если гордость пробуждает чувство собственника, то может произойти оживление инфантильной жадности, которую можно описать следующими словами: у меня есть все, чего я хочу; моя хорошая мать целиком принадлежит мне. Такая жадная и контролирующая установка приводит к порче отношений с хорошим объектом и порождает вину, которая вскоре может привести к другой защите: например, я не хочу повредить матери-аналитику, я лучше воздержусь от принятия ее даров. В этой ситуации оживает ранняя вина за отвержение молока и любви, даваемых матерью, поскольку помощь аналитика не принимается. Пациент также переживает вину, поскольку он лишает себя самого (хорошую часть себя) улучшения и помощи и упрекает себя за то, что он взвалил на аналитика слишком тяжелое бремя, недостаточно сотрудничая с ним; так что он чувствует, что эксплуатирует аналитика. Такое отношение пациента может перемежаться с персекуторной тревогой, что у него будут украдены его защиты и эмоции, все его мысли и идеалы. При состояниях сильной тревоги в мыслях пациента, кажется, не существует другой альтернативы кроме как украсть или быть обокраденным.

Защиты, как я предполагаю, продолжают действовать, даже когда приходит большее понимание. Каждый шаг, приближающий к интеграции, и пробуждаемая этим тревога могут вести к еще более сильному проявлению ранних защит и даже к появлению новых защит. Мы должны также ожидать, что первичная зависть будет возникать снова и снова, и мы будем сталкиваться с повторяющимися колебаниями эмоционального состояния. Например, если

пациент чувствует себя презираемым и потому униженным в своих отношениях с аналитиком, которому он в тот момент приписывает доброту и терпение, то очень скоро зависть к аналитику может проявиться вновь. Несчастье, боль и конфликты пациента, через которые тот проходит, противопоставляются тому, что он воспринимает как душевный покой аналитика — его действительную психическую нормальность, — и это становится особой причиной для зависти.

Неспособность пациента с благодарностью принимать интерпретации, которые одной частью своей души он признает полезными, образует один из аспектов негативной терапевтической реакции. К той же области относятся и другие трудности, которые я сейчас упомяну. Мы должны быть готовы к тому, что всякий раз, как у пациента произойдет продвижение к интеграции, т. е. когда завидующие, ненавидящие и ненавидимые части его личности сблизятся с другими частями его Я, на авансцену Выступят мощные тревоги, которые усилят недоверие пациента к своим любовным импульсам. Удушение любви, которое я описала как маниакальную защиту при депрессивной позиции, уходит своими корнями в опасность, которой угрожают деструктивные импульсы и персекуторная активность. У взрослых зависимость от любимого человека оживляет беспомощность младенца и ощущается как унижение. Но это нечто большее, чем инфантильная беспомощность: ребенок может быть чрезмерно зависим от матери, если его тревога настолько велика, что его деструктивные импульсы превращают мать в преследующий или поврежденный объект; и эта сверхзависимость может оживать в ситуации переноса. Тревога из-за того, как бы жадность, если будет открыт путь любви, не разрушила любимый объект, является еще одной причиной для удушения любовных импульсов. Может также появиться страх, что любовь приведет к слишком большой ответственности, и объект будет требовать слишком много. Бессознательное знание пациентом того, что у него есть ненависть и деструктивные импульсы, приводит к тому, что он искренне не принимает свою любовь к другим людям и любовь других к себе.

Поскольку любая тревога приводит к тому, что Эго начинает использовать какие-либо из своих защит, важную роль в противодействии переживаниям персекуторной и депрессивной тревог играют процессы расщепления. Когда мы интерпретируем эти процессы расщепления, пациент начинает лучше осознавать ту часть себя, которой он боится, т. к. чувствует, что она олицетворяет собой деструктивные импульсы. У пациентов, у которых ранние процессы расщепления (всегда связанные с шизоидными и параноидными чертами) преобладают в меньшей степени, сильнее развито вытеснение импульсов, что приводит к иной клинической картине. Т. е. мы имеем тогда дело с пациентом более невротического типа, который до определенной степени преуспел в преодолении раннего расщепления и у которого вытеснение стало главной защитой от эмоциональных расстройств.

Другой трудностью, на протяжении длительных периодов препятствующей анализу, является цепкость, с которой пациент держится за сильный позитивный перенос, что до определенной степени обманчиво, т. к. основано на идеализации и прикрывает отщепленные ненависть и зависть. Характерно, что оральные тревоги при этом часто игнорируются и на поверхность выходят генитальные элементы.

Я много раз пыталась показать, что деструктивные импульсы — проявления инстинкта смерти — видимо, в первую очередь, направлены против Эго. Сталкиваясь с ними, даже если это происходит постепенно, пациент чувствует, что в процессе принятия этих импульсов как аспектов себя и их интеграции он подвергается разрушению. Т. е. пациент в результате интеграции в определенные моменты сталкивается с некоторыми серьезными опасностями: его Эго может быть переполнено; он может чувствовать потерю идеальной части себя, но при этом ощущать, что существует отщепленная, деструктивная и ненавидимая часть его личности; аналитик может казаться ему враждебным и мстить за деструктивные импульсы пациента, которые больше не вытесняются, став, таким образом, опасной фигурой, олицетворяющей Супер-Эго;

наконец, аналитик, в той мере, в которой он замещает хороший объект, оказывается под угрозой разрушения. Нам станет понятно, почему угроза аналитику вносит свой вклад в сильное сопротивление, с которым мы сталкиваемся, пытаясь преодолеть расщепление и пойти по пути интеграции, если мы вспомним, что младенец ощущает свой первичный объект как источник блага и жизни и поэтому считает его незаменимым. Его тревога о том, как бы не разрушить его, является причиной сильных эмоциональных затруднений и принимает важное участие в конфликтах, возникающих на почве депрессивной позиции. Чувство вины, возникающее в результате осознания деструктивной зависти, может вести к временному подавлению способностей пациента.

Мы встречаемся с совершенно другой ситуацией, если в качестве защиты от интеграции у пациента возникают фантазии всемогущества или даже мегаломания. Это может быть критической стадией, потому что пациент может искать убежища в подкреплении своих враждебных установок и проекций. Так, он думает о своем превосходстве над аналитиком, которого обвиняет в недооценке себя, и благодаря этому находит некоторое оправдание для ненависти к нему. Он предъявляет счет за все до сих пор достигнутое в анализе. Если обратиться к ранней ситуации, то у пациента, когда он был младенцем, могли быть фантазии о том, что он более могуществен, чем его родители, и даже что это он создал свою мать или родил ее и обладал материнской грудью. 'Соответственно, это мать украла у него грудь, а не пациент у нее. Проекция, всемогущество и преследование достигают своей кульминации. Некоторые из этих фантазий действуют всякий раз, когда возникают вопросы приоритета в научной или другой работе. Существуют также и другие факторы, которые могут пробудить жажду первенства, такие как исходящие из разных источников амбиции, и особенно чувство вины, в основе своей связанное с завистью и разрушением первичного объекта или его последующих заменителей. Это обусловлено тем, что чувство вины по поводу обкрадывания первичного объекта приводит к отрицанию, принимающему форму претензии на полную оригинальность, и потому исключает возможность брать или принимать что-то от объекта.

В предыдущем разделе я подчеркнула трудности, возникающие в определенные моменты анализа у пациентов, у которых зависть конституционально сильна. Однако анализ этих глубоких и серьезных нарушений является во многих случаях защитой от потенциальной опасности психоза, исходящей из завистливой и всемогущей установки. Но очень важно не торопить эти шаги по интеграции, поскольку если осознание разделенное™ личности придет

внезапно, то пациенту будет очень трудно справиться с ним. 5” Чем сильнее отщеплены завистливые и деструктивные импульсы, тем более опасными их ощущает пациент, когда начинает их осознавать. В анализе мы должны прокладывать путь к болезненному пониманию пациентом своей разделенное™ медленно и постепенно. Это означает, что деструктивные стороны будут вновь и вновь отщепляться и присоединяться, пока не возникнет большая интеграция. В результате сильнее станет чувство ответственности, более полно будут переживаться вина и депрессия. Когда это произойдет, усилится Эго, уменьшится ощущение всепоглощения деструктивных импульсов и зависти и освободится замороженная процессом расщепления способность к любви и благодарности. Вследствие этого отщепленные аспекты Я станут более приемлемыми, и пациент будет все более способен вытеснять деструктивные импульсы по отношению к любимым объектам, вместо того чтобы расщеплять свое Я. Это подразумевает, что уменьшатся проекции на аналитика, которые прежде превращали его в опасную и мстительную фигуру, и аналитику, в свою очередь, станет проще помочь пациенту в дальнейшей интеграции. Таким образом, негативная терапевтическая реакция потеряет свою силу.

Анализ процессов расщепления и лежащих за ними ненависти и зависти как в позитивном, так и в негативном переносе предъявляет большие требования как к аналитику, так и к пациенту. Одним из последствий возникающих при этом затруднений является тенденция некоторых аналитиков подкреплять позитивный перенос и избегать негативного, и пытаться усилить чувства любви, принимая на себя роль хорошего объекта, который в прошлом у пациента не был устойчиво установлен. Эта процедура по своей сути отличается от той техники, которая, помогая пациенту достигнуть лучшей интеграции себя, направлена на смягчение ненависти любовью. Мои наблюдения показывают, что техники, основанные на успокоивании, редко бывают успешными; в частности, их результаты недолговечны. Конечно же, у каждого существует глубоко укоренившаяся потребность в том, чтобы быть успокоенным, уходящая корнями в ранние отношения с матерью. Младенец ожидает от нее не только внимания ко всем своим потребностям, но также жаждет получить от нее знаки любви каждый раз, когда он переживает тревогу. Эта потребность быть успокоенным является жизненно важным фактором в аналитической ситуации, и мы не должны недооценивать ее важность для наших пациентов, как для взрослых, так и для детей. Мы обнаруживаем, что, хотя их сознательной и часто бессознательной целью является анализ, у пациентов есть сильное желание получить доказательства любви и признания от аналитика и быть таким образом успокоенными, и это желание никогда полностью не проходит. Даже сотрудничество пациента, которое позволяет анализировать очень глубокие слои психики — деструктивные импульсы, персекуторную тревогу — может до определенной степени находиться под влиянием потребности доставить удовольствие аналитику и быть любимым им. Аналитик, который это осознает, будет анализировать инфантильные корни этих желаний;

в противном случае, при идентификации с пациентом ранняя потребность в успокоении может сильно повлиять на его контрперенос и, следовательно, на его технику. Эта идентификация может также легко вызвать у аналитика искушение занять место матери и немедленно откликнуться на зов, чтобы облегчить тревоги ребенка (пациента).

Одна из трудностей при осуществлении шагов по интеграции возникает, когда пациент говорит: «Я могу понять, что вы говорите мне, но я не чувствую этого». Мы сознаем, что мы обращаемся к той части личности, которая, несмотря на все намерения и цели, недостаточно доступна в данный момент как пациенту, так и аналитику. Наши попытки помочь пациенту в интеграции будут убедительны, лишь если мы сможем на материале прошлого и настоящего показать ему, как и почему он снова и снова отщепляет части себя. Такие доказательства часто предоставляются сновидениями, предшествующими сеансам, и их можно также извлечь из всего контекста аналитической ситуации. Если интерпретация расщепления достаточно обоснована в том смысле, о котором я говорю выше, она может подтвердиться на следующем сеансе тем, что пациент расскажет фрагмент сна или предоставит какой-то другой материал. Кумулятивный эффект таких интерпретаций постепенно позволит пациенту добиться некоторого прогресса в интеграции и понимании себя.

Тревога, препятствующая интеграции, должна быть до конца понята и проинтерпретирована в ситуации переноса. Ранее я уже указывала на чувство угрозы как для себя самого, так и для аналитика, возникающее у пациента, когда его отщепленные части возвращаются к нему в анализе. Работая с этой тревогой, не следует недооценивать любовные импульсы, если только их можно обнаружить в материале, поскольку именно они, в конце концов, позволяют пациенту смягчить свою ненависть и зависть.

Как бы сильно ни ощущал пациент в данный момент, что интерпретация бьет мимо цели, часто это может быть выражением сопротивления. Если мы с начала анализа уделяли достаточно внимания отщепленным деструктивным частям личности, в частности ненависти и зависти, мы в действительности, по крайней мере в большинстве случаев, позволяли пациенту делать какие-то шаги по направлению к интеграции. Только благодаря кропотливой, тщательной и упорной работе аналитика можно ожидать более стабильной интеграции со стороны пациента.

Сейчас я постараюсь проиллюстрировать эту фазу анализа двумя сновидениями.

Второй пациент-мужчина, на которого я ссылалась, на поздней стадии своего анализа, когда были достигнуты значительная интеграция и улучшение в различных областях, рассказал следующий сон, указывающий на колебания в процессе интеграции, вызванные болью от депрессивных чувств. Он находится в квартире на втором этаже, и «X», друг его друга, звонит ему с улицы, предлагая погулять вместе. Пациент не может присоединиться к «X», т. к. тогда черная собака, тоже находящаяся в квартире, выйдет наружу и попадет под машину. Он гладит собаку. Когда он выглядывает в окно, то обнаруживает, что «X» «ретировался».

Некоторые из ассоциаций связывают квартиру с моей, а черную собаку с моей черной кошкой, которую он называет «она». Пациент никогда не любил «X», который был его однокашником в студенческие годы. Он описывает его как вкрадчивого и неискреннего человека;

«X» также часто одалживал деньги (хотя затем возвращал их) и делал это так, как будто у него было полное право просить о таких одолжениях. «X», однако, как оказалось, стал очень хорошим специалистом в своей области.

Пациент понял, что «друг его друга» был одним из аспектов его самого. Суть моих интерпретаций заключалась в том, что он близко подошел к осознанию неприятных и пугающих частей своей личности;

и поэтому для собаки-кошки-аналитика появилась опасность попасть под машину, т. е. быть раненной «X». Когда «X» спрашивает его, пойдет ли он с ним на прогулку, это символизирует шаг по направлению к интеграции. На этой стадии в сновидение входит элемент надежды через ассоциацию, что «X», несмотря на все недостатки, оказался хорошим специалистом. Признаком прогресса является также то, что одна из сторон его личности, к которой он ближе подошел в этом сне, оказалась не столь деструктивной и завистливой, как в предыдущем материале.

Озабоченность пациента безопасностью собаки-кошки выражает желание защитить аналитика от присущих пациенту враждебных и жадных наклонностей, представленных «X», и ведет к временному увеличению расщепления, которое уже отчасти было залечено. Однако когда «X», отвергаемая часть себя, «ретируется», это показывает, что она не ушла совсем и что процесс интеграции нарушен только временно. Настроение пациента в этот момент характеризовалось депрессией; вина перед аналитиком и желание защитить ее имели для него важное значение. В этом контексте страх интеграции был вызван чувством пациента, что ему необходимо защитить аналитика от своих жадных и опасных вытесненных импульсов. У меня не было сомнений, что он по-прежнему отщеплял часть своей личности, но вытеснение жадных и деструктивных импульсов стало более заметным. Интерпретация поэтому должна была указывать как на расщепление, так и на вытеснение.

Первый пациент-мужчина на поздней стадии анализа также сообщил сои, продемонстрировавший более продвинутые этапы интеграции. Ему снилось, что у него есть брат-правонарушитель, совершивший серьезное преступление. Он поселился в доме, убил его обитателей и ограбил их. Пациент очень расстроен этим, но чувствует, что он должен быть верен своему брату и должен его спасти. Они бегут вместе и оказываются в лодке. Тут у пациента возникает ассоциация с «Отверженными» Виктора Гюго, и он говорит о Жавере, который преследовал невинного человека всю свою жизнь и даже последовал за ним в парижскую канализацию, где тот прятался. Но Жавер покончил с собой, потому что осознал, что потратил всю свою жизнь неправильно.

Затем пациент продолжает рассказ о сне. Он и его брат арестованы полицейским, который смотрит на него доброжелательно, так что пациент надеется, что его в конце концов не накажут; кажется, он предоставляет брата его судьбе.

Пациент сразу же понимает, что брат-правонарушитель — это часть его самого. Он недавно использовал выражение «правонарушитель», говоря об очень незначительных моментах в своем поведении. Мы можем здесь также вспомнить, что в предыдущем сне он видел мальчика-правонарушителя, с которым не мог справиться.

Тот шаг в интеграции, о котором я говорю, выражается в том, что пациент принимает ответственность за брата-правонарушителя, сядя с ним «в одну лодку». Я проинтерпретировала убийство и ограбление людей, поселивших его у себя, как фантазии о

нападении на аналитика, и обратилась к часто выражаемой им тревоге, что его жадное желание получить от меня как можно больше может повредить мне. Я связала это с чувством вины в ранних отношениях с матерью. Добрый полицейский заменяет аналитика, который не судит его строго и поможет ему избавиться от плохой части себя. Более того, я указала ему, что в процессе интеграции использование расщепления как себя, так и объекта проявилось вновь. Это выразилось в том, что аналитик фигурировал в двойной роли: как добрый полицейский и как преследователь Жавер, который в конце концов лишил себя жизни и на которого спроецировалась «плохость» пациента. Хотя пациент понял свою ответственность за «правонарушающую» часть своей личности, он по-прежнему расщеплял себя. Это выражалось в том, что он выглядел «невиновным», в то время как канализация, в которой он скрывался, означала глубины его анальной и оральной деструктивности.

Повторное появление расщепления было вызвано не только персекуторной, но и депрессивной тревогами, поскольку пациент чувствовал, что он не может столкнуться с аналитиком (когда та предстает в доброй роли) с плохой частью себя без риска нанести аналитику вред. Это было одной из причин, почему он объединился с полицейским против плохой части себя, которую он в тот момент хотел уничтожить.

II

Фрейд довольно скоро пришел к признанию того, что некоторые индивидуальные особенности в развитии вызваны конституциональными факторами: например, он выразил в «Характере и анальной эротике» (1908) мнение, что сильная анальная эротика является у многих людей конституциональной.⁵¹ Абрахам обнаружил врожденный элемент, определяющий силу оральных импульсов, который он связывал с этиологией маниакально-депрессивных расстройств. Он говорил, что «...преувеличенное значение оральной эротике в действительности является конституциональным и наследственным, так же как в некоторых семьях преобладающим фактором с самого начала является анальная эротика».⁵²

Я уже ранее высказывала предположение, что жадность, ненависть и персекуторная тревога по отношению к первичному объекту, материнской груди, имеют врожденную основу. В этой книге я добавила, что зависть как мощное выражение орально- и анально-садистских импульсов также является конституциональной. Вариации в интенсивности этих конституциональных факторов, с моей точки зрения, связаны с преобладанием одного или другого инстинкта в сплаве инстинктов жизни и смерти, который постулировал Фрейд. Я считаю, что существует связь между этим преобладанием одного или другого инстинкта и силой или слабостью Эго. Я часто ссылаюсь на силу Эго в связи с тревогами, с которыми как с конституциональным фактором оно должно справляться. Трудности в перенесении тревоги, напряжения и фрустрации являются проявлением слабости Эго, которое с начала постнатальной жизни недостаточно сильно по сравнению с интенсивными деструктивными импульсами и персекуторными тревогами, которые оно переживает. Эти сильные тревоги, воздействующие на слабое Эго, ведут к чрезмерному использованию защит, таких как отрицание, расщепление и всемогущество, которые до определенной степени характеризуют

раннее развитие любого человека. Соответственно я могу добавить, что конституционально-сильное Эго не станет легкой добычей зависти и будет более способно поддерживать расщепление между хорошим и плохим, которое, как я полагаю, является предварительным условием для установления хорошего объекта. Поэтому сильное Эго менее подвержено процессам расщепления, которые ведут к фрагментации и являются частью выраженных параноидно-шизоидных черт.

Другим фактором, который с самого начала влияет на развитие, является разнообразный внешний опыт, через который проходит младенец. Это до определенной степени объясняет возникновение у него первых тревог, которые будут особенно сильны у младенца, пережившего тяжелое рождение и неудовлетворительное кормление. Накопленные мной наблюдения, однако, убедили меня, что воздействие этого внешнего опыта находится в соответствии с конституциональной силой врожденных деструктивных импульсов и порождаемых ими параноидных тревог. Многие младенцы не испытывают особенно неблагоприятных переживаний и все же страдают от серьезных трудностей при кормлении и засыпании, и мы можем видеть у них все признаки большой тревоги, за которую внешние обстоятельства не несут решающей ответственности.

Также хорошо известно, что некоторые младенцы подвергаются значительным депривациям и переживают неблагоприятные обстоятельства, и все же у них не возникает чрезмерных тревог, что позволяет предположить, что их параноидные и завистливые черты не являются преобладающими; это часто подтверждается и их дальнейшей жизнью.

В моей аналитической работе у меня было много возможностей проследить истоки формирования характера вплоть до вариаций врожденных факторов. Есть еще очень много неизученного в пренатальных воздействиях; но даже большее знание о них не должно отвлекать внимания от важности врожденных элементов силы Эго и инстинктивных влечений.

Существование врожденных факторов указывает на ограничения психоаналитической терапии. Хотя я полностью осознаю это, мой опыт учит меня, что, несмотря на это, мы способны в ряде случаев добиваться фундаментальных положительных изменений даже там, где конституциональная основа является неблагоприятной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении уже многих лет анализ зависти к кормящей груди как фактора, усиливающего атаки на первичный объект, составлял часть проводимого мною психоаналитического лечения. Однако лишь не так давно я сделала особый акцент на портящих и деструктивных качествах зависти, на том, как они препятствуют построению стабильных отношений с хорошими внешними и внутренними объектами, подрывают чувство благодарности и разными путями размыывают различия между хорошим и плохим.

Во всех описанных мною случаях отношение к аналитику как к внутреннему объекту имело главное значение. Я считаю, что это справедливо во всех случаях. Когда тревога из-за зависти и ее последствий достигает максимума, пациент чувствует себя в той или иной мере

преследуемым со стороны аналитика, как недовольного и завистливого объекта, который мешает его работе, жизни и деятельности. Когда это происходит, кажется, что хороший объект потерян вместе с чувством внутренней безопасности. Мои наблюдения говорят мне, что если на любом жизненном этапе отношения с хорошим объектом серьезно нарушаются — а это как раз то нарушение, в котором важную роль играет зависть,— то страдают не только внутренняя безопасность и покой, но и портится характер. Преобладание внутренних преследующих объектов подкрепляет деструктивные импульсы; тогда как, если хороший объект установлен прочно, идентификация с ним повышает способность к любви, конструктивным импульсам и благодарности. Все это соответствует гипотезе, которую я выдвинула в начале этой книги: если хороший объект укоренен глубоко, то временные нарушения становятся переносимыми, и закладывается фундамент психического здоровья, формирования характера и успешного развития Эго.

По другому поводу я уже описывала значение самого раннего интернализованного преследующего объекта — мстительной, жадной и ядовитой груди. Я хочу сейчас указать, что проекция младенцем своей зависти придает особую сложность его тревоге из-за первичного и последующего внутренних сопротивлений. «Завистливое Супер-Эго» нарушает или уничтожает все попытки возмещения ущерба и творчества. Оно также предъявляет постоянные непомерные требования к благодарности индивида. Так происходит, поскольку к преследованию добавляется чувство вины за то, что преследующие внутренние объекты — это результаты собственных деструктивных и завистливых импульсов индивида, которые первоначально разрушили хороший объект. Потребность в наказании, находящая удовлетворение в растущем обесценивании себя, приводит к порочному кругу.

Как все мы знаем, конечной целью психоанализа является интеграция личности пациента. Высказывание Фрейда, что там, где было Ид, должно стать Эго, — это указатель в нужном направлении. Процессы расщепления возникают на самых ранних стадиях развития. Если они чрезмерны, то они образуют неотъемлемую часть параноидных и шизоидных особенностей, которые могут стать основой для шизофрении. При нормальном развитии эти шизоидные и параноидные тенденции (параноидно-шизоидная позиция) во многом преодолеваются во время того периода, который характеризуется депрессивной позицией, и интеграция успешно развивается. Важные шаги по интеграции, которые делаются на этой стадии, подготавливают способность Эго к вытеснению, которое, как я считаю, все больше начинает действовать на втором году жизни.

В «Развитии психоанализа»⁵³ я предположила, что маленький ребенок способен справляться с эмоциональными трудностями с помощью вытеснения, если процессы расщепления на ранних стадиях не были слишком сильны, и благодаря этому произошла консолидация сознательной и бессознательной частей психики. На самых ранних стадиях всегда преобладают расщепление и другие примитивные защитные механизмы. Уже в «Запретах, симптомах и тревоге» Фрейд предположил, что могут быть способы защиты более ранние, чем вытеснение. В данной книге я не говорила о жизненной необходимости вытеснения для нормального развития, поскольку воздействие первичной зависти и ее тесная связь с процессами расщепления были главными предметами моего изложения.

Что касается техники, я попыталась показать, что посредством анализа вновь и вновь тревог и защит, связанных с завистью и деструктивными импульсами, можно добиться успеха в интеграции. Я всегда была убеждена в важности указания Фрейда о том, что «проработка» — это одна из важнейших задач аналитической процедуры, и мой опыт работы с процессами расщепления и прослеживание их вспять к их возникновению сделали это убеждение только сильнее. Чем глубже и сложнее те трудности, которые мы анализируем, тем сильнее сопротивление, с которым мы, скорей всего, встречаемся, и это говорит о необходимости делать соответствующий акцент на «проработке».

Эта необходимость возникает, в частности, в случае зависти к первичному объекту. Пациенты могут признать свою зависть, ревность и соперничество по отношению к другим людям, даже желание причинить им вред, но только настойчивость аналитика в анализе этих враждебных чувств в переносе и предоставляемая этим пациенту возможность вновь пережить их в самых ранних отношениях могут привести к уменьшению расщепления Я.

Опыт показал мне, что если анализ этих фундаментальных импульсов, фантазий и эмоций неудачен, то это частично объясняется тем, что проявившиеся боль и депрессивная тревога перевешивают у некоторых людей стремление к истине и, в конечном счете, желание, чтобы им помогли. Я считаю, что если задача пациента состоит в том, чтобы принимать и усваивать интерпретации аналитика, касающиеся ранних слоев его психики, то его сотрудничество с аналитиком должно быть основано на очень сильной тяге к раскрытию истины о себе. Это необходимо, потому что, если эти интерпретации становятся достаточно глубокими, они мобилизуют часть Я, воспринимаемую как враждебную по отношению к Эго и хорошему объекту, которую поэтому необходимо отщепить и уничтожить. Я обнаружила, что тревоги, вызванные интерпретациями ненависти и зависти по отношению к первичному объекту, и чувство преследуемое™ со стороны аналитика, чьи действия пробуждают эти эмоции, являются более болезненными, чем любой другой материал, который мы интерпретируем.

Эти трудности особенно часто возникают у пациентов с сильными параноидными тревогами и шизоидными механизмами, поскольку они меньше способны к переживанию, наряду с персекуторной тревогой, поднятой интерпретациями, позитивного переноса и доверия к аналитику — в конечном счете они менее способны к поддержанию чувства любви. На нынешнем уровне нашего знания я склоняюсь к тому, что это те пациенты, хотя не обязательно явно психотического типа, с которыми успех ограничен или недостижим.

Если анализ доходит до самых глубин, зависть и страх зависти уменьшаются, что приводит к большей вере в конструктивные и возмещающие ущерб силы, а именно, в способность к любви. Результатом становятся также большая терпимость к собственным ограничениям, так же, как и улучшение объектных отношений и более ясное восприятие внутренней и внешней реальности.

Инсайт, полученный в процессе интеграции, дает пациенту возможность осознать в ходе анализа существование потенциально опасных частей себя. Но когда любовь соединяется с отщепленными ненавистью и завистью, эти эмоции становятся выносимыми и уменьшаются,

поскольку они смягчены любовью. Тревоги, различные по содержанию, о которых мы упоминали ранее, также уменьшаются, среди них — страх переполнения отщепленными, деструктивными частями себя. Этот страх, кажется, является наиболее сильным, т. к. вследствие чрезмерного раннего детского всемогущества вред, причиняемый в фантазии, кажется необратимым. Тревога из-за того, что враждебные чувства разрушат объекты любви, уменьшается, когда эти чувства становятся более знакомыми и интегрируются в личности. Боль, переживаемая пациентом в анализе, также постепенно уменьшается вместе с улучшениями, сопровождающими процесс интеграции, такими как возврат инициативы, появление способности принимать решения, к которым прежде не удавалось придти, и, в целом, более свободное использование своих талантов. Это связано с меньшей заторможенностью способности к репарации. Способность пациента получать радость в разных сферах жизни возрастает, возвращается надежда, хотя она по-прежнему может перемежаться с депрессией. Я обнаружила, что в соответствии со способностью к стабильному установлению хорошего объекта возрастает способность к творчеству, что в успешных случаях является результатом анализа зависти и деструктивное™.

Подобно тому, как в младенчестве повторяющиеся счастливые переживания кормления и любви приводят к стабильному установлению хорошего объекта, так и во время анализа повторяющиеся переживания эффективности и истинности интерпретаций приводят к тому, что аналитик и, ретроспективно, первичный объект выстраиваются как хорошие фигуры.

Все эти перемены приводят к обогащению личности. Вместе с ненавистью, завистью и деструктивностью в ходе анализа возвращаются другие важные части себя, которые прежде были потеряны. Большое облегчение возникает также от ощущения себя более цельным человеком, от приобретения контроля над собой и от более глубокого чувства безопасности в отношениях с миром в целом. В «Некоторых шизоидных механизмах» я предположила, что наиболее интенсивны страдания шизофреника из-за его чувства расщепленное™ на куски. Эти страдания недооцениваются, поскольку его тревога проявляется в форме, отличающейся от невротической. Даже когда мы не имеем дела с психотиками, но анализируем людей, чья интеграция нарушена и которые колеблются как в отношениях к себе, так и к другим, они переживают сходные тревоги, которые облегчаются при достижении более полной интеграции. Полная и постоянная интеграция, с моей точки зрения, невозможна никогда. Это связано с тем, что под воздействием внешних или внутренних напряжений даже хорошо интегрированные люди могут быть вовлечены в процессы расщепления, хотя бы на ограниченный отрезок времени.

В статье «Об идентификации»⁵⁴ я писала о том, насколько важно для развития психического здоровья, чтобы в ранних процессах расщепления не доминировала фрагментация. Я писала тогда: «Чувство удерживания в себе не поврежденных соска и груди - хотя и сосуществующее с фантазиями о жадно сожранной и потому разделенной на кусочки груди — приводит к тому, что расщепление и проецирование становятся связаны преимущественно не с фрагментированными частями личности, а с более согласованными частями Я. Это подразумевает, что Эго не подвергается неминуемому Ослаблению из-за

распыления и по этой причине более способно к повторяющемуся преодолению расщепления и достижению интеграции и синтеза в своих отношениях с объектами».⁵³

Я считаю, что эта способность к восприятию отщепленных частей личности является необходимым условием нормального развития. Это подразумевает, что расщепление до некоторой степени преодолевается во время депрессивной позиции и что вытеснение импульсов и фантазий постепенно занимает его место.

Анализ характера всегда был важной и очень трудной частью аналитической терапии.»^с И, как я считаю, через прослеживание определенных аспектов формирования характера вплоть до ранних процессов, описанных мною, мы можем в ряде случаев добиться далеко идущих изменений в характере и личности.

Мы можем рассмотреть те аспекты техники, о которых я пыталась рассказать в этой книге с другой точки зрения. Сначала все эмоции привязываются к первому объекту. Если деструктивные импульсы, зависть и параноидная тревога чрезмерны, то младенец существенно искажает и преувеличивает каждую фрустрацию, исходящую извне, и материнская грудь превращается, внешне и внутренне, в, по преимуществу, преследующий объект. Поэтому даже настоящие удовлетворения не способны в достаточной мере противодействовать персекуторной тревоге. Направив анализ назад, в раннее младенчество, мы позволяем пациенту вновь пережить фундаментальные ситуации — это то переживание вновь, о котором я часто говорила как о «памяти в чувствах». В ходе этого переживания вновь пациент получает возможность выработать иное отношение к этим ранним фрустрациям. Не вызывает сомнений, что, если младенец в действительности был подвержен влиянию очень неблагоприятных условий, ретроспективное установление хорошего объекта не ликвидирует ранние негативные переживания. Однако интроекция аналитика как хорошего объекта, если она основана на идеализации, приносит, до некоторой степени, эффект обеспечения хорошим объектом там, где его не хватает. Кроме того, ослабление проекций и, следовательно, достижение большей терпимости, связанное с меньшими обидами, позволяет пациенту найти в прошлом некоторые приятные черты и оживить приятные воспоминания, даже если ранняя ситуация была очень неблагоприятной. Средства, которыми это достигается,— это анализ негативного и позитивного переноса, возвращающий нас назад к самым ранним объектным отношениям. Все это становится возможным благодаря интеграции, произошедшей вследствие анализа, усилившего Эго, которое было слабым в начале жизни. Именно в этом направлении возможен успешный анализ психотиков. Более интегрированное Эго становится способным к переживанию вины и ответственности, которые оно не могло перенести в младенчестве; происходит синтез объекта и, следовательно, смягчение ненависти любовью; а жадность и зависть, сопутствующие деструктивным импульсам, теряют свою силу.

Говоря другими словами, персекуторная тревога и шизоидные механизмы ослабевают, и пациент способен проработать депрессивную позицию. Когда его первоначальная неспособность к установлению хорошего объекта до некоторой степени преодолена, зависть уменьшается, и способности пациента к удовольствию и благодарности шаг за шагом увеличиваются. Эти изменения распространяются на многие аспекты личности пациента, от самой ранней эмоциональной жизни, до взрослого опыта и отношений. В анализе того, как

ранние нарушения влияют на развитие человека, заключена, по моему мнению, Самая большая надежда на оказание помощи нашим пациентам.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Конструкции в анализе» (1937), Collected Papers, vol. V.

То есть связанная с чувством преследования. (*Прим. перев.*)

Good and bad breast, good and bad mother — это широко распространенные психоаналитические термины, введенные Мелани Кляйн. В переживаниях младенца хорошая грудь или мать — это добрая, заботливая, любящая и любимая, присутствующая рядом часть матери, удовлетворяющая его потребности. Плохая грудь или мать — это злая, невнимательная, ненавидящая и ненавидимая, отсутствующая часть матери, не удовлетворяющая потребностей младенца. *Good breast*, по-английски, — это не только хорошая, но и добрая, доброжелательная, милая, любезная, годная, полезная, плодородная и т. д. грудь. Также и *bad breast*, по-английски, — не только плохая, но и дурная, скверная, испорченная, развращенная, безнравственная, больная и т. д. грудь. Поэтому противопоставление *good and bad breast*, по-английски, — это не просто противопоставление оценочной «хорошее™» и «плохости», а противопоставление добра и зла, отсылающее нас к религии, философии, искусству и намекающее на то, что уже с рождения ребенок и его мать реально и конкретно участвуют в борьбе этих двух сил, добра и зла, жизни и смерти. Русский перевод, к сожалению, не передаст этого значения, по его необходимо иметь в виду. (*Прим. перев.*)

То есть принять вовнутрь, сделать из внешнего внутренним. (*Прим. перев.*)

Все это ощущается младенцем гораздо более примитивным образом, чем это может выразить язык. Когда эти довербальные эмоции и фантазии оживают в ситуации переноса, они проявляются как «память в чувствах», как я бы их назвала, и реконструируются и облекаются в слова с помощью аналитика. Сходным образом мы используем слова и при реконструкции и описании других феноменов, относящихся к ранним стадиям развития. В действительности мы поможем перевести язык бессознательного в сознание, не одалживая ему слова из области сознания.

6В ряде моих работ — «Психоанализ детей», «Ранние стадии Эдипова комплекса», «Вклад в психоанализ» и «Развитие психоанализа» я ссылаюсь на зависть, исходящую из оральных, уретральных и анально-садистских источников на наиболее ранних стадиях Эдипова комплекса, связанную с желанием испортить принадлежащее матери, в частности пение отца, который, согласно фантазиям младенца, она держит в себе. Уже в моей статье «Обсессивный невроз шестилетней девочки», написанной в 1924 г., но не опубликованной до ее появления в «Психоанализе детей», зависть, связанная с оральными, уретральными и анально-садистскими нападениями на тело матери, играет важную роль. Но я не связывала особо эту зависть с желанием отобрать и испортить материнские груди, хотя я подошла к этим выводам очень близко. В статье «Об идентификации» («Новые направления в психоанализе») я обсуждала

зависть как фактор, очень важный для проективной идентификации. Уже очень давно, в «Психоанализе детей», я предположила, что не только орально-садистские, но и уретрально-садистские и анально-садистские наклонности действуют также и у очень маленьких младенцев.

«Заметки о некоторых шизоидных механизмах» («Развитие психоанализа»).

Д-р Эллиот Жак привлек мое внимание к этимологическим корням «зависти» (envy) — латинскому *invidia*, которое происходит от глагола *invidco* — смотреть косо, злобно, недоброжелательно, класть дурной глаз, завидовать, испытывать недоброе чувство. В качестве первоначального примера его использования приводится фраза Цицерона, которая в переводе гласит: «Приносить беду своим дурным глазом». Это подтверждает дифференциацию, которую я делала между завистью и жадностью, указывая на проективный характер зависти.

В подстрочном переводе эти две цитаты, возможно, выглядят более выразительно:

Но про ревнивые души так не скажешь;

Они никогда не ревнуют по причине,

Они ревнуют, потому что они ревнуют; это монстр,

Который сам себя порождает, сам по себе возникает.

* * *

Берегитесь ревности, мой господин.

Это зеленоглазый монстр, который издевается

Над мясом, которым он питается...

(Прим. перев.).

Джоан Ривьер в статье «Ревность как механизм защиты» (1932), прослеживает зависть у женщин вплоть до инфантильного желания украсть материнские груди и испортить их. Согласно ее находкам, ревность уходит корнями в эту первичную зависть. Ее статья содержит интересный материал, иллюстрирующий эту точку зрения.

См. мой «Психоанализ детей», в котором эти концепции играют роль во многих случаях.

«К анализу негативной терапевтической реакции», 1936; так же Фрейд, «Я и Оно».

Младенец может на самом деле получать слишком мало молока, не получать его, когда ему сильней всего его хочется, не получать его так, как надо, например, если молоко идет слишком быстро или слишком медленно. То, как держат ребенка, удобно или нет, отношение матери к кормлению, ее удовольствие от этого или тревога по поводу него; то, давалась ли грудь или бутылочка, — все эти факторы имеют в каждом случае большое значение.

«Краткая история развития либидо» (1924).

Наблюдения над младенцами показывают нам часть этих лежащих в глубине бессознательных установок. Как я уже сказала выше, некоторые младенцы, которые в ярости

кричат, снова выглядят счастливыми после того, как их накормят. Это означает, что они временно потеряли, но затем снова обрели свой хороший объект. У других оставшиеся обида и тревога, даже если они в данный момент уменьшены кормлением, могут быть все же подмечены внимательным наблюдателем.

Понятно, что депривация, неудовлетворительное кормление и неблагоприятные обстоятельства интенсифицируют зависть, т. к. мешают полному удовлетворению, что приводит к порочному кругу.

«Развитие психоанализа», Глава VI.

«Три очерка по теории сексуальности».

«Развитие психоанализа», Глава VII.

См. также концепцию Дональда Винникота об «иллюзорной груди» и его взгляд на то, что первоначально объекты создаются Я (сслф) («Психозы и уход за ребенком», 1953).

Фрейд утверждал, что «бессознательное, видимо, не содержит ничего, что подтверждает концепцию уничтожения жизни» («Запреты, симптомы и тревога», стр. 93).

См. мои «Заметки о некоторых шизоидных механизмах»; также Герберт Розенфельд: «Анализ шизофренического состояния с деперсонализацией» (1947).

Я говорила об этом процессе в своих предыдущих работах и только хочу здесь подчеркнуть, что я считаю его основным механизмом параноидно-шизоидной позиции.

²⁴ Я уже ссылалась на врожденную потребность идеализировать перенатальную ситуацию. Другая область частой идеализации — отношения младенца и матери. Идеализируют их впоследствии именно те люди, которые не могли испытывать достаточно счастья в этих отношениях.

²⁵ В связи с этим я сошлюсь на свою статью «Траур и его отношение к маниакально-депрессивным состояниям» («Вклад в психоанализ»), в которой я определила нормальную проработку горя, как процесс, во время которого восстанавливается ранний хороший объект. Я предположила, что эта проработка впервые имеет место, когда младенец успешно справляется с депрессивной позицией.

²⁶ Хотя я и не изменила моих взглядов на то, что депрессивная позиция начинается во второй четверти первого года жизни и достигает своего пика около шести месяцев, я обнаружила, что некоторые младенцы, по-видимому, переживают преходящие чувства вины и на первых месяцах жизни (см. «Развитие психоанализа», Глава VIII). Это не подразумевает, что депрессивная позиция уже возникла. В другом месте я описала многообразие процессов и защит, характерное для депрессивной позиции, таких как отношение к целостному объекту;

более четкое различение внутренней и внешней реальности; защиты против депрессии, в частности потребность в возмещении и исправлении ущерба; и расширение объектных отношений, ведущее к ранним стадиям Эдипова комплекса. Говоря о вине, периодически переживаемой на ранних стадиях жизни, я приближаюсь к взглядам, которые были у меня во

время написания «Психоанализа детей», где я описывала вину и преследование, переживаемые очень маленькими младенцами. Когда позже я ввела понятие депрессивной позиции, я более четко и, может быть, слишком схематично разделила вину, депрессию и соответствующие защиты, с одной стороны, и параноидную стадию (которую я позже назвала параноидно-шизоидной позицией), с другой стороны.

²⁷ У меня есть основания считать, что эта преждевременная генитализация часто является одной из особенностей при сильно выраженных шизофренических чертах или при полностью развившейся шизофренией. См. у В. БИОСа «Заметки о теории шизофренией» (1954) и «Различение психотических и непсихотических личностей» (1955).

²⁸ См. «Значение смыслообразования в развитии Эго» (1930) и «Вклад в психогенез маниакально-депрессивных состояний» (1935), обе статьи во «Вкладе в психоанализ» ; также см. «Психоанализ детей».

²⁹ В другом месте я указывала («Развитие психоанализа», Глава VI) на тесную связь между фазой, на которой развивается депрессивная позиция, и ранними стадиями Эдипова комплекса.

³⁰ «Психоанализ детей» (особенно, Глава VIII) и «Развитие психоанализа» (Глава VI). Я указывала, что эти фантазии в норме образуют часть ранних стадий Эдипова комплекса, но сейчас я хочу добавить, что все развитие Эдипова комплекса зависит от интенсивности зависти, которая определяет силу комбинированной родительской фигуры.

31 Collected Papers, Vol. V.

³² «Вклад в психоанализ», стр. 389-90: «Зависть к пенису и комплекс кастрации играют важную роль в развитии девочки. Но они очень сильно подкрепляются фрустрацией ее негативных Эдиповых желаний. Хотя маленькая девочка на одной из стадий развития предполагает, что ее мать обладает пенисом как атрибутом мужчины, эта концепция не играет настолько важной роли в ее развитии, как предполагал Фрейд. Бессознательная теория, что мать содержит в себе вызывающий восхищение и желаемый пение отца, согласно моему опыту, является подкладкой многих феноменов, которые Фрейд описал как отношения дочери с фаллической матерью. Оральные желания девочки к пенису отца смешиваются с ее первыми сексуальными желаниями получить этот пенис. Эти генитальные желания подразумевают желание иметь детей от отца, которое выводится из уравнения: «пение-ребенок». Женственное желание интериализовать пение и получить ребенка от отца непременно предшествует желанию обладать собственным пенисом.

³³ «Развитие психоанализа», Глава VI и VII.

³⁴ «Об идентификации» («Новые направления в психоанализе»)

³⁵ Книги I и II.

³⁶ «Но из-за зависти дьявола вошла смерть в мир, и те, кто принадлежат его доле, входят из-за этого в искушение» (кн. Премудростей Соломона, гл. 3, стих 24).

³⁷ У Чосса мы также находим обычные ссылки на эту клевету в спину и деструктивную критику, характерные для завистливого человека. Он описывает грех клеветы как вырастающий из смеси несчастья завистливого человека из-за хорошеи и процветания другого и его радости

от вреда ему. Греховное поведение характеризуется как «поведение человека, который хвалит соседа, но с нечистыми намерениями, т. к. всегда ставит «но» в конце и дальше делает такие обвинения, которых этот человек не заслуживает. Или, если человек хорош и поступает или говорит с добрыми намерениями, клеветник переворачивает все с ног на голову и приписывает доброту его хитрому умыслу. Или когда другие люди говорят хорошо о человеке, то клеветник скажет, что, да, он очень хорош, но укажет на кого-то, кто еще лучше, и таким образом унижит того, кого похвалили другие».

³⁸ Вера в продолжение жизни получила свое значимое выражение в замечании одного мальчика четырех лет, чья мать была беременна. Он выразил надежду, что ожидавшийся ребенок будет девочкой и добавил:

«Потом у нее будут дети, и у ее детей будут дети, и так оно будет всегда».

Я сознаю, что в материале изложенного ниже случая важны детали истории, личности, возраста и внешних обстоятельств пациентки. Осторожность не позволяет мне входить в эти детали, и я только попытаюсь проиллюстрировать мои основные темы выдержками из ее материала.

Так бывает не только у детей, но и у взрослых, когда полное оживленно эмоций, переживавшихся в ранних ситуациях кормления, происходит в ситуации переноса. Например, чувство голода или жажды очень резко возникает во время сеанса и проходит после интерпретации, которая, как ощущает пациент, удовлетворила это чувство. Один из моих пациентов, переполненный такими чувствами, вскочил с кушетки и обхватил руками часть арки, отделяющей одну половину моего кабинета от другой. Я много раз слышала в конце сеанса следующее выражение: «Меня хорошо понянчили». Хороший объект, в своей примитивной форме матери, которая заботится о ребенке и кормит его, был восстановлен.

«Толкование сновидений» Фрейда ясно показывает, что некоторые из этих остатков безумия находят свое выражение в снах, которые поэтому являются наиболее ценной самозащитой для психической нормальности.

Опыт показал мне, что когда аналитик чувствует полную убежденность в важности нового аспекта эмоциональной жизни, он становится способен интерпретировать его во время анализа раньше. Придавая этому большее значение, он может гораздо быстрее привести пациента к осознанию этих процессов, и это будет способствовать эффективности анализа.

См. Розенфельд «Заметки по поводу состояния спутанности у хронических шизофреников» (1950).

См. Главу VI «Развития психоанализа».

См. Фрейд «Некоторые типы характеров, встречающиеся в психоаналитической работе».

«Исследование потребности невротических и психотических пациентов в действиях вовне во время анализа» (1955).

Некоторые из моих коллег, которые анализируют случаи шизофрении, говорили мне, что тот акцент, который они сейчас делают на зависти как портящем и разрушающем факторе, доказывает свое большое значение как для понимания, так и для лечения этих пациентов.

См. «Психоанализ детей», Глава VII.

Я предполагала (см. «Развитие психоанализа»), что на втором году жизни на передний план выступают обсессивные механизмы, и организация Эго осуществляется при доминировании анальных импульсов и фантазий.

Вполне возможно, что человек, который неожиданно совершил преступление или с которым произошел психотический срыв, внезапно осознал свои отщепленные опасные части. Известны случаи, когда люди хотели быть арестованы, чтобы им помешали совершить убийство.

«Из этих признаков мы выводим, что эрогенная значимость анальной зоны усиливается врожденной сексуальной конституцией этих людей».

«Краткая история развития либидо» (1924). Глава VI.

«Новые направления в психоанализе»

P.313.

Наиболее важные вклады в этот вопрос внесли Фрейд, Джойс и Абрахам. См., например, Фрейд «Характер и анальная эротика» (1908), Джонс «Ненависть и анальная эротика в обсессивном неврозе» (1913) и «Анально-эротические черты характера» (1918), и Абрахам «Дополнения к теории анального характера» (1921), «Влияние оральной эротика на формирование характера» (1924) и «Формирование характера на генитальном уровне развития либидо» (1925).

ЛИТЕРАТУРА

Abraham, K. (1921) «Contribution to the Theory of the Anal Character».

Abraham, K. (1924) «The influence of Oral Erotism on Character Formation».

Abraham, K. (1924) «A Short History of the Development of the Libido, Viewed in the Light of Mental Disorders».

Abraham, K. (1925) «Character Formation on the Genital Level of Libido Development».

All the above papers are published in «Selected Papers on Psychoanalysis», London, Hogarth Press, 1927.

Bion, W. R. (1954) «Notes on the Theory of Schizophrenia». Int. J. Psycho-Anal., Vol. XXXV, Part II.

Bion, W. R. (1955) «Differentiation of the Psychotic from the Non-Psychotic Personalities». Paper delivered at the 19th International Psycho-Analytical Congress.

Freud, S. (1905) Three Essays on the Theory of Sexuality, London, Hogarth press, 1949.

Freud, S. (1908) «Character and Anal Erotism». Collected Papers, Vol. II, London, Hogarth Press, 1924.

Freud, S. (1915) «Some Character-Types Met with in Psycho-Analytic Work». Collected Papers, Vol. IV, London, Hogarth Press, 1925.

Freud, S. (1923) *The Ego and the Id*, London, Hogarth Press, 1927.

Freud, S. (1926) *Inhibitions, Symptoms and Anxiety*, London, Hogarth Press, 1936.

Freud, S. (1937) «Analysis Terminable and Interminable». Collected Papers, Vol. V, London, Hogarth Press, 1950.

Freud, S. (1938) «Constructions in Analysis». Collected Papers, Vol. V, London, Hogarth Press, 1950.

Jones, E. (1913) «Hate and Anal Erotism in Obsessional Neurosis». *Int. Z. (arztl.) Psychoan.*, Jahrgang I, Heft 5. (Papers on Psycho-Analysis, London, Ballicre, Tindall & Cox, 1918).

Jones, E. (1918) «Anal-Erotic Character Traits». *Papers on Psycho-Analysis*,

1948 edition, London, Ballicre, Tindall & Cox. *Klein, M.* (1928) «Early Stages of the Oedipus Conflict». *Contributions to*

Psycho-Analysis, 1921-1945, London, Hogarth Press, 1948. *Klein, M.* (1930) «The Importance of Symbol-Formation in the Development

of the Ego». *Contributions to Psycho-Analysis*, London, Hogarth Press,

1948. *Klein, M.* (1932) *The Psycho-Analysis of Children*, London, Hogarth Press,

1932. *Klein, M.* (1935) «A Contribution to the Psychogenesis of Manic-Depressive

States». *Contributions to Psycho-Analysis*, London, Hogarth Press, 1948. *Klein, M.* (1940) «Mourning and its Relation to Manic-Depressive States».

Contributions to Psycho-Analysis, London, Hogarth Press, 1948. *Klein, M.* (1945) «The Oedipus Complex in the Light of Early Anxieties».

Contributions to Psycho-Analysis, London, Hogarth Press, 1948. *Klein, M.* (1946) «Notes on Some Schizoid Mechanisms». *Developments in*

Psycho-Analysis, London, Hogarth Press, 1952. *Klein, M.* (1948) *Contributions to Psycho-Analysis*, London, Hogarth Press. *Klein, M.* (1955) «On Identification». *New Directions in Psycho-Analysis*,

London, Tavistock Publications, 1955. *Klein, M., Heimann, P., Isaacs, S., and Riviere, J.* (1951) *Developments in*

Psycho-Analysis, London, Hogarth Press, 1952. *Riviere, J.* (1932) «Jealousy as a Mechanism of Defence». *Int. J. Psycho-Anal.*, Vol. XIII. *Riviere, J.* (1936) «A Contribution to the Analysis of the Negative Therapeutic

Reaction». *Int. J. Psycho-Anal.*, Vol. XVII. *Rosenfeld, H.* (1947) «Analysis of a Schizophrenic State with Depersonaliza-

tion». *Int. J. Psycho-Anal.*, Vol. XXVIII. *Rosenfeld, H.* (1950) «A Note on the Psychopathology

of Confusional States

in Chronic Schizophrenias». *Int. J. Psycho-Anal.*, Vol. XXXI. *Rosenfeld, H.* (1955) «The Investigation of the Need of Neurotic and Psychotic Patients to Act Out during Analysis». Paper read to the 19th International Psycho-Analytical Congress.

Winnicott, D. W. (1953) «Psychoses and Child Care». *Collected Papers: through Paediatrics to Psycho-Analysis*. London, Tavistock Publications, 1957
(in press).